

Copyright © by Josef Bar-Josef

All rights reserved. No part of this book may be used in any manner whatsoever, especially for theatrical or/and movie purposes, without written permission

© «Текст», издание на русском языке, 2001

Перевод с иврита Светланы Шенбрунн

Купер

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Купер — тяжелобольной старик пенсионер, в прошлом владелец мастерской по ремонту мебели.

Тирца — его жена.

Мира — их дочь лет тридцати пяти, фотограф.

Максим — сожитель Мира, лет тридцати двух, бывший сосед.

Действие происходит в наши дни в доме Купера, в небольшой квартирке, напоминающей склад всевозможной вышедшей из употребления рухляди, а также на заднем дворе возле дома. Окно гостиной выходит на этот двор.

Действие первое

Картина первая

ТИРЦА одна в гостиной, пытается расчистить какое-то жизненное пространство, сдвигает к стенам безногие стулья и этажерки, затрудняющие передвижение по комнате. КУПЕР является с улицы, нагруженный старым покалеченным торшером. Тирца замирает посреди комнаты, смотрит удрученно на новую «находку».

ТИРЦА. Ты...

КУПЕР. Да ну — а ты ждала кого-то другого?

ТИРЦА. Ты вышел...

КУПЕР. Ах, вышел!.. (С восторгом осматривает торшер.) Что за люди! Выкинуть такую вещь! Совершенно случайно заметил из окна. И два стула в придачу. Сейчас... (Направляется к входной двери.)

ТИРЦА. Два стула? Еще два стула?.. На улице?..

КУПЕР. На улице! А где же? В магазине? В универмаге? В супермаркете? В этом самом... Как они теперь называются? Торговые центры! В каком торговом центре ты найдешь такую вещь?

ТИРЦА. Ты хочешь...

КУПЕР. Да? А что я, по-твоему, должен сделать? Оставить их валяться на тротуаре? Что ты, собственно, хочешь сказать?

ТИРЦА. Ничего... не хочу сказать... Только... (Подходит поближе, как будто собирается помочь ему.) Такая тяжесть... Тебе нельзя...

КУПЕР. Вот как? Нельзя? А если тяжесть, зачем ты в таком случае загораживаешь мне дорогу? (Преодолевая собственную немощь.) Позволь пройти!

ТИРЦА. У тебя утром был приступ. По крайней мере, сегодня ты не должен напрягаться. Опять начнутся боли.

КУПЕР. Начнутся боли! Между прочим, ради них не требуется напрягаться. И так начинаются. Боли — это тебе не зарплата! Боли мы получаем задаром. Взгляни-ка лучше, какой торшер!

Капельку подправить, почистить — и будет светить!

ТИРЦА. Патрона нет...

Купер бросает на нее презрительный взгляд.

Что я такого сказала?

КУПЕР. Нет патрона! Вы подумайте! Тоже мне — инженер-электрик нашелся. Патрон — чепуха. Главное — база, стиль, исполнение. Взгляни, какая работа! Одно литье чего стоит! А?

Пуд весу! Старинное железо! Без обмана. Настоящий чугунок. Пальчики оближешь.

Тирца как будто намеревается что-то возразить.

Да? Я слушаю. Ну, говори, говори!

ТИРЦА. Я не знаю... Он весь... Какой-то покореженный...

КУПЕР. Ах, покореженный! Прекрасно. Честь и слава! Острый взгляд. Орлиный! А если и покореженный, так что? Подправим, выпрямим — и станет прямой. Ты знаешь, сколько людей еще смогут пользоваться этим торшером? Сколько школьников еще смогут решать задачки при его свете? Делать уроки, читать книжки! (Тычет пальцем в потолок.) И не портить зрение несчастной тусклой лампочкой под потолком. Что ты на это скажешь?

ТИРЦА. Ты прав, но... Он насквозь проржавел... То есть, я хочу сказать, в некоторых местах есть ржавчина.

КУПЕР. А ты как думала? Разумеется, есть ржавчина! Это вам не ваш поганый пластик! Это железо. А что, плита — вот эта, вот эта! Она не проржавела? (Победоносно указывает на разные вещи по сторонам.) А коляска? А трубы? Печка «Фридман»? Может, ты хочешь сказать, что и их не следовало заносить в дом? А? Ну, скажи, скажи, сделай такую милость!

ТИРЦА. Этого я не говорила...

КУПЕР. Так скажи, скажи! А? (Хватается за бок, скрюченный внезапным приступом боли.)

ТИРЦА (придвигая ему кресло). Сядь.

КУПЕР. И не подумаю! Не собираюсь сидеть! (Некоторое время стоит, преодолевая боль, потом снова принимается рассматривать и ощупывать торшер.) Это не ржавчина — это люди. Бросают железную вещь на открытом балконе, под дождем, — разумеется, чего прикажете ожидать? Разумеется, будет ржавчина. Допустим, человека сбила машина. Так что? Вместо того чтобы помочь ему подняться и отвести в безопасное место, бросить посреди дороги? Чтобы следующая машина переехала его окончательно? Разумеется! Это им удобно. Это дает право выбросить. Купить новый. Вместо того чтобы транжирить деньги, можно спасти, починить, отдать тому, кто нуждается. Тому, кто не в состоянии купить новый. Не так ли? Мы с тобой уже говорили об этом...

ТИРЦА. Ты прав.

КУПЕР (примирительно). Еще, чего доброго, скажешь, что и прочая мебель никуда не годится. Столик, например. Да, немного неустойчив. Ну и что? У кресла тоже была сломана ножка!

ТИРЦА. Это правда.

КУПЕР. Вот именно! Ну и что, что сломана? А почему она сломана, ты знаешь, а? Почему?

ТИРЦА (поддерживает разговор, но то и дело с беспокойством выглядывает в окно). Да.

КУПЕР. Что — да? Знаешь, почему сломана ножка?

ТИРЦА. Нет, не знаю.

КУПЕР. Зачем же ты говоришь «да»?

ТИРЦА. Не знаю.

КУПЕР. Но ты хочешь знать?

ТИРЦА. Да, конечно. Объясни, пожалуйста. Я слушаю.

КУПЕР. Ножка надломилась, поскольку крепление, вот тут, наверху, у основания, — крепление чрезвычайно прочное. Тут нет ни малейшей возможности чему-либо сломаться. Поэтому все давление, вся тяжесть падают на ножку. На само дерево, которое в этом месте не столь...

Главное — это крепления. Прекрасная работа. Виден почерк. Характер человека. Даже когда все

сгниет и рассыплется, крепления останутся. Как можно выкинуть такую вещь?! С такими креплениями! Грех, преступление! (Замечает перестановку в комнате, с тревогой оглядывает проход, который Тирца с таким трудом перед этим расчистила, проверяет, не исчезло ли что-нибудь из его сокровищ.) Что тут произошло? Что случилось? Почему все сдвинуто, перевернуто? (Восстанавливает прежний порядок и водружает в центре комнаты только что доставленный с улицы торшер.) Вот так!

Тирца как будто решается сообщить ему нечто.

Да? Что-то не в порядке?

ТИРЦА. Нет, все в порядке... Только... Тебе не кажется, что здесь слишком тесно? То есть, я хочу сказать, немного тесновато. Невозможно пройти к двери.

КУПЕР. Ах, вот оно что! Тесно, тесновато, невозможно пройти!.. Для чего, позвольте узнать, тебе проходить к двери? С какой целью? Может, ты ожидаешь почетного гостя? Мы устраиваем сегодня бал? Дипломатический коктейль? (В сильнейшем раздражении.) Ты ждешь ее! А?

ТИРЦА (пугается). Что? Кого я жду?

КУПЕР. Что! Кого! Для нее тебе требуется проходить к двери. Всю ночь не спишь, изучаешь потолок. Она что, там — на потолке?

ТИРЦА (задирает голову). Да?

КУПЕР. Да! Что — да? Мало того что пялишься всю ночь на потолок — и на меня смотришь так, будто перетаскиваешь ее оттуда, с потолка, в мои объятия!

ТИРЦА (еле слышно). Ты тоже.

КУПЕР (грозно). Что я тоже? Что — тоже?

ТИРЦА (с неожиданной решимостью). Ты тоже ее любишь.

КУПЕР. Люблю? Ее? В самом деле? (Смолкает, затем продолжает совсем другим тоном.) Когда она была маленькая, она ждала меня, радовалась каждой вещи... Мы вместе мечтали, планировали: кому отдадим стул, кому стол... Стиральную машину. Кастрюли. (Погружаясь в дорогие воспоминания, дотрагивается то до одной, то до другой вещи.) Вот папа починит плиту, и кто-нибудь будет варить на ней. Кто-нибудь будет есть с этой тарелки... Кто-нибудь наденет это платье. Поди угадай — кто... Каждый ящик, каждая коробка казались ей волшебными дворцами, все эти тряпки были сказочными нарядами...

ТИРЦА. Ты скучаешь по ней. Ты хочешь, чтобы она вернулась.

КУПЕР (снова становится неприступным). Да? Я так серьезно болен? Ты хочешь сказать, что дни мои сочтены?

ТИРЦА. Ты все время говоришь о ней.

КУПЕР. Исключительно из-за тебя. Потому что ты все время о ней вспоминаешь. Ты беспрерывно думаешь о ней! Дышать уже нечем из-за этих твоих мыслей! Понимаешь — здесь не хватает воздуха! (Смолкает на минуту.) Зачем? Зачем мне нужно, чтобы она вернулась? Что она мне — внука подарит? Как бы не так! Явится, чтобы тоже зудеть: все ржавое, все кривое, помойка по всему этому плачет! Действительно, почему только торшер? Все нужно выкинуть! Все одинаково грязное и мерзкое. В первую очередь я сам. Скажешь — нет? Разумеется, почему бы не вышвырнуть? Меня, я имею в виду.

ТИРЦА. Я ничего такого не сказала. Я сказала только, что тесно.

КУПЕР. Ничего такого! Научилась рассуждать. Спорить. Тебе не хватает ее, потому что ты...

Да! В этой своей тоске по ней ты черпаешь силы для борьбы со мной!

Со стороны кухни раздается шум, стук, звон падающей посуды, в проходе

мелькает тень кота, утаскивающего мороженую курицу.

(Бросается к кухонной двери, кричит.) А ну, стой! Стой, поганец!..

ТИРЦА. Что случилось?

КУПЕР. Кот! Курица!

ТИРЦА. Какая курица?

КУПЕР. Курица! Откуда я знаю, какая курица?

ТИРЦА (заглядывает в кухонную дверь). Где он?

КУПЕР. Удрал.

ТИРЦА. Удрал? А курица?

КУПЕР. Удрал вместе с курицей.

ТИРЦА. Я оставила размораживаться!

КУПЕР. Вот видишь — кот удрал вместе с курицей, которую ты оставила размораживаться.

ТИРЦА. Что значит — удрал?

КУПЕР. Удрал! Схватил курицу и удрал! Похитил ее, украл! Выпрыгнул вместе с ней в окно.

ТИРЦА. Вместе с курицей?

КУПЕР. А с чем же? С моими болячками?

ТИРЦА. Такая крупная курица! Второй номер.

КУПЕР. Белый такой кот.

ТИРЦА. Без глаза?

КУПЕР. Я его не разглядывал.

ТИРЦА. Это он! Но как же? Он совсем еще маленький. Я всегда отдаю ему остатки. Как он справился? Курица больше него самого!

КУПЕР. Вот именно. Маркс так и сказал: «Не представляющие никакой ценности грабят самое ценное».

ТИРЦА. Ах, как жалко! Целая курица...

КУПЕР. А я, дурак, еще пытался остановить его, усювестить: стой! отдай!

ТИРЦА. Ты так сказал ему?

КУПЕР. Да, так и сказал. (Смеется.) Так и сказал ему — разбойнику белому. Ты что, не слышала? «А ну, стой, мерзавец, погоди, бродяга!..»

ТИРЦА. Правда? (Тоже начинает смеяться, но тут же замолкает, смотрит на Купера.)

КУПЕР. Что ты на меня смотришь? Сейчас скажешь, что меня нужно сфотографировать.

ТИРЦА. Как ты хорошо смеялся...

КУПЕР. Правда? Хорошо смеялся?

ТИРЦА. Жалко, конечно, курицы, но, знаешь... Ты так замечательно сказал...

КУПЕР. Да? А без этого вора, без этого кота, я уже не могу сказать ничего замечательного? И что же — мой смех стоит такой крупной курицы? Второй номер?

ТИРЦА (думает о чем-то своем). Не понимаю...

КУПЕР. А для чего, собственно, тебе потребовалось размораживать курицу?

ТИРЦА (не решается признаться). Ну, я же вынула ее из морозилки...

КУПЕР. Да, это я понимаю — вынула из морозилки. Но для чего, спрашивается?

ТИРЦА. Что значит — для чего? Чтобы разморозить!

КУПЕР (настойчиво). Для чего тебе потребовалось размораживать курицу? И как она вообще попала к нам в морозилку? Ты что — купила курицу? Я уже лет десять не употребляю никакого мяса, а ты, насколько мне известно, всю жизнь была вегетарианкой.

ТИРЦА (смеется). Теперь это уже не имеет значения. Он все равно украл ее. Белый кот.

КУПЕР. Белый кот... Прячешься за белого кота! К тому же за кота, которого уже нет. Не пытайся заморочить мне голову — из морозилки ты ее вытащила до всякого кота. Для чего тебе понадобилась курица?

ТИРЦА. Для чего мне понадобилась курица?..

КУПЕР. Вот именно — для чего тебе понадобилась курица? И с кем ты вчера ночью разговаривала по телефону?

ТИРЦА. С кем я разговаривала по телефону?

КУПЕР. Да. Я слышал сквозь сон. Но не был до конца уверен. Подумал, может, это так — померещилось. А ты, между прочим, даже соврать толком не умеешь. Ну, так с кем ты беседуешь по ночам?

ТИРЦА. С ней!

КУПЕР. Вот как! С ней. Что это вдруг?

ТИРЦА. Это не вдруг.

КУПЕР. Как это понимать?

ТИРЦА. Ты прекрасно знаешь, что я звоню ей. Время от времени. Когда она откуда-нибудь возвращается. Ты сам этого ждешь — чтобы я позвонила. Да, ждешь!

КУПЕР. Все, хватит!

ТИРЦА. Если я долго не звоню, ты начинаешь смотреть на меня. Так вот начинаешь смотреть. (Изображает, как он начинает смотреть.) И мне уж ничего иного не остается, как только позвонить ей. А ты подслушиваешь из соседней комнаты. Боишься упустить слово.

КУПЕР. Вчера я почему-то не слышал никаких слов...

ТИРЦА. Потому что тебе сделали укол. Поэтому.

КУПЕР. Поэтому!

ТИРЦА. Да. Вот и все.

КУПЕР. Что — вот и все? Зачем тебе вчера понадобилось ей звонить? Что ты ей сказала? То есть... (Не решается продолжать, как будто боится услышать нечто нежелательное.) Так где же она на сей раз побывала?

ТИРЦА. Я не знаю. Что-то такое...

КУПЕР. Такое. Какое — такое?

ТИРЦА. Да. Что-то такое...

КУПЕР. Весь мир объездила. Двадцать раз. Тысячи километров. Десятки тысяч. Фотографии! Пропать фотографии. Запечатлеть мгновение! Заморозить его. Мороженная снежинка. Сфотографировать снежинку, чтобы сохранить ее для потомства. Лучше бы производила это самое потомство. Почему она не выходит замуж, почему не рождает детей? На худой конец хотя бы одного...

ТИРЦА (бормочет не слишком уверенно). Может, и есть что-то... Кто-то, я хочу сказать...

КУПЕР. Что ты там бормочешь? Все время какие-то тайны. Вечно замышляете что-то за моей спиной.

ТИРЦА. Я пытаюсь рассказать тебе, но ты не желаешь слушать. И когда она один раз приехала...

КУПЕР. Вот именно — один раз! Один раз за семь лет!

ТИРЦА. На пять минут тебя не хватило поговорить с ней по-человечески. Тут же начал орать. То есть вы оба принялись... кричать...

КУПЕР (пресекает ее воспоминания и возвращается к тому, что его волнует в данный момент). Сегодня ночью. О чем вы говорили?

Тирца не отвечает.

Ты ей сказала?

ТИРЦА. Я ей сказала.

КУПЕР. Что ты ей сказала?

ТИРЦА. Ты знаешь. Сказала, что ты... Про больницу. Про уколы. Про все.

КУПЕР. С какой стати? По какому праву? По какому праву ты позволяешь себе сплетничать обо мне за моей спиной! И с какой целью? Она что — врач?

ТИРЦА. Она твоя дочь.

КУПЕР. Что с того, что она моя дочь? Ты решила разжалобить ее. Пробриться к ее сердцу. Да? Смягчить и разжалобить, да? Я тебя просил? Я сказал: ни в коем случае! И ты, разумеется, упрасивала, умоляла ее приехать. Навестить несчастного тяжелобольного отца — на смертном одре! Не спросившись меня и ничего не сказав! Когда же она прибудет? Что она ответила? Я хочу знать в точности. Слово в слово!

ТИРЦА (немного помяввшись). Она не приедет. Она не хочет видеть тебя. Она...

КУПЕР. Продолжай!

ТИРЦА. Она сказала, что приедет на похороны... На похороны она приедет.

КУПЕР. Ах, вот как... Я понимаю.

ТИРЦА. Но это не всерьез. Это она нарочно. Она ведь в точности как ты...

КУПЕР. Прекрасно. Ты во всем умеешь обвинить меня. Даже в этом! Я отвечаю за все. За все ее поступки. Естественно — если она в точности как я. Она не в точности! Она полная противоположность! Человек без всяких идеалов, без веры и совести, с одним только дьявольским упрямством! (Помолчав.) Одного я не понимаю: для чего ты в таком случае размораживала курицу?

ТИРЦА. Курицу?..

КУПЕР. Курицу, курицу! Курицу из морозилки. Ты ведь для нее собиралась готовить обед. Но если она намерена прибыть только на похороны... Вы уже хороните меня? Все, конец? Или мне дозволено пожить еще капельку — пока курица разморозится? Действительно — лето, жарко, много времени не займет, верно? И ты наконец-то удостоишься узреть ее — свою ненаглядную драгоценную доченьку, по которой ты так истосковалась!

ТИРЦА (с вызовом). Ты тоже истосковался по ней! Ты тоже! (Со слезами.) Ты тоже...

КУПЕР. Да, но мне-то придется подохнуть для того, чтобы она снизошла. Не так ли?

ТИРЦА (помолчав). Нет, это не совсем так...

КУПЕР. И почему — курица?

ТИРЦА. Нет никакой курицы! Кот украл ее.

КУПЕР. Разумеется — нет. Кот украл. Ты знаешь почему? Потому что не будет похорон! Не так скоро! Меня не удастся украсть — ни Ангелу смерти, ни твоему безглазому коту. Я как печка «Фридман», как это кресло, как эта стремянка, как все это старье: разохшееся дерево, ржавое железо — мы не подходим для знаменитых фотографов, повидавших весь мир. Нас вышвыривают. Не нуждаются, отправляют на помойку. И именно поэтому — именно поэтому! — мы остаемся, не исчезаем! (Новый приступ боли заставляет его опуститься в кресло.) А-а-а...

ТИРЦА. Я вызову неотложку...

КУПЕР. С какой стати — неотложку?

Тирца подходит к Куперу, гладит его по голове.

Что ты делаешь?

ТИРЦА. Такие жесткие волосы — как стальная стружка...

КУПЕР (смотрит на нее с тоской). Что ты будешь делать?.. Потом... когда...
 ТИРЦА. Потом?
 КУПЕР. Ты знаешь.
 ТИРЦА. Я знаю?
 КУПЕР. Ты не можешь остаться одна.
 ТИРЦА. С какой стати я должна оставаться одна? Ты...
 КУПЕР. Вызови ее. Пускай поживет хоть какое-то время.
 ТИРЦА. Я вызову неотложку...
 КУПЕР. С какой стати — неотложку?
 ТИРЦА. Неотложку. Тебя отвезут в больницу, и тебе станет легче. Как в тот раз...
 КУПЕР (порывается встать). Стулья! Брошены на улице! Как я забыл? (Подымается через силу.)
 Ничего, мы еще держимся на ногах! Еще есть силы. Похороны еще подождут, верно? Кто сказал — конец? (Направляется к двери.)
 МИРА приближается снаружи к дому, заглядывает в окно, видит Купера и Тирцу.
 ТИРЦА (не замечая дочери, пытается удержать Купера). Зачем тебе еще стулья? Как будто у нас мало стульев! Хватает, слава Богу, на чем сидеть...
 КУПЕР. При чем тут — сидеть? На них невозможно сидеть — они сломанные.
 ТИРЦА. Зачем в таком случае они вообще нужны?
 КУПЕР. Чтобы чинить. Чтобы починить! (Выходит.)
 ТИРЦА (старается догнать его). погоди! Нет! (Замечает вдруг в окне Миру, замирает в испуге на месте.)

Картина вторая

Та же гостиная минуту спустя. Звонок в дверь, ТИРЦА в ужасе закрывает лицо руками, потом все же приближается к двери и открывает. Видит МИРУ.

ТИРЦА. Ты не должна звонить...
 МИРА. Не должна.
 ТИРЦА. Проходи, садись... Что ты стоишь?
 МИРА. Да. (Не двигается с места, оглядывает комнату.)
 ТИРЦА (с усилием, заставляет себя казаться бодрой). Здравствуй! Заходи же! Как дела?
 МИРА (помолчав). Все, кончила?
 ТИРЦА. Да заходи же!
 МИРА не двигается с места, продолжает оглядывать комнату.
 Хочешь пить? Чай, кофе? Что-нибудь холодное? Я даже не знаю, где ты была, откуда вернулась. Только... Что-то такое, верно?.. Я сказала Куперу... Он...
 МИРА. Куперу?
 ТИРЦА (смеется смущенно). Да, вот так получилось...
 МИРА (продолжая рассматривать комнату). Что тебя смешит?
 ТИРЦА. Я почти целый год тебя не видела. Помнишь, как ты назначила мне свидание в кафе? Подумать только — если бы не ты, я так бы и прожила всю жизнь, ни разу не заглянув в кафе. Купер не признает никаких кафе. Сегодня на каждом шагу кафе, а он ни разу в жизни ни в одном не побывал.
 МИРА. Хватит, мама, перестань.
 ТИРЦА. Ты не голодна? Я хотела приготовить обед — твою любимую жареную курицу, но кот... Понимаешь...
 МИРА. Кот?
 ТИРЦА. То есть курица... Кот украл курицу. А Купер...
 МИРА. Опять Купер?
 ТИРЦА. Да. Он так смеялся. Он...
 МИРА смотрит на нее как будто с сожалением.
 Расскажи мне. Как твоя поездка? Ты ведь готовишь выставку, верно? Или это для альбома? Хорошие фотографии получились? Красивые?
 МИРА (продвигаясь постепенно в глубь комнаты). Мама, у меня не бывает красивых фотографий. Дай мне, пожалуйста, осмотреться. Не задавай никаких вопросов. Когда похороны? Дядя Хаим еще не прибыл? Какие же похороны без дяди Хаима!
 ТИРЦА. Ты ведь знаешь... Ты ведь знаешь, что он... Он еще... Ты ведь видела в окошко...

Мира молча смотрит на нее.

Ты же видела его!

МИРА. Кого?

ТИРЦА. Твоего отца. Купера.

МИРА. Ты сказала, что он умер. Сегодня ночью — по телефону.

ТИРЦА. Это не совсем так... Я только...

МИРА. Не совсем так? Что это значит? Не совсем скончался? Скончался частично?

Приблизительно?

ТИРЦА. Ты ведь сказала, что приедешь только на похороны. Что приедешь только, когда...

Когда он...

МИРА. Да? Мама, попытайся припомнить наш разговор. С самого начала.

ТИРЦА (в отчаянии). Это все не важно.

МИРА (с большим вниманием продолжает разглядывать каждый предмет в комнате). Нет, это важно.

ТИРЦА. Я позвонила, попросила, чтобы ты приехала. Он болен, очень болен.

МИРА. А я сказала, что не хочу. Совершенно отчетливо тебе сказала. Три раза повторила. У меня хватает своих проблем.

ТИРЦА. Проблем? Ты больна? Что-нибудь случилось?

МИРА. Оставим это сейчас. И ты позвонила еще раз. Помнишь, что ты мне сказала?

ТИРЦА. Ничего я не сказала. Я только...

МИРА. И при этом дышала, как загнанный зверь. А я сказала: разбирайся с ним сама. Вызови врача. Мне можешь сообщить только о его кончине. Ни о чем другом я не желаю знать. На похороны, так и быть, приеду. Правильно?

ТИРЦА. Да, что-то в этом роде...

МИРА (с каменным спокойствием). И что ты мне на это ответила? Ты помнишь?

ТИРЦА. Нет, не совсем...

МИРА. Ты сказала: «Да... Это так... Приезжай». Правильно? Как будто через силу, запинаясь, но при этом вполне внятно. И еще раз повторила: «Да... Это так... Приезжай». Я решила, что тебе тяжело говорить — ну, как-никак у тебя умер муж. И что именно по этой причине ты вначале не призналась — сказала, что болен. Не желала смириться с фактом его смерти. Не так ли?

ТИРЦА. Что я могу поделать...

МИРА. Замечательно! Исчерпывающий ответ. Вынудить меня примчаться сюда с помощью столь нехитрой выдумки. А у меня была очередь. Встреча. Да, важная встреча. Очень важная. И я отменила ее и прилетела сюда.

ТИРЦА. Я весьма сожалею.

МИРА. Может, ты решила проучить меня? За то, что я сказала, что приеду только на похороны? «Ах так? Пожалуйста — вот тебе похороны!» Короче говоря, ты посмеялась надо мной.

ТИРЦА. Нет! Нет...

МИРА. Тогда зачем же? О чем ты думала? Что это удастся скрыть?

ТИРЦА. Он болен. Очень болен...

МИРА. А, вот оно что!.. Значит, пока я доеду...

ТИРЦА. Нет, Боже упаси... Конечно, нет. У меня вырвалось... Потому что...

МИРА. А может, ты уже и в самом деле мечтаешь, чтобы он умер? Что ж, действительно он достаточно долго тянул из тебя жилы.

ТИРЦА. О чем ты говоришь? Что значит — тянул жилы?

МИРА (указывая на всякую рухлядь вокруг). В самом деле, чем это хуже пыточных инструментов?

ТИРЦА. С какой стати!

МИРА. Помолчи, пожалуйста. Дай мне прийти в себя. Немного тишины. (Обходит комнату, дотрагивается то до одной, то до другой вещи.)

ТИРЦА (следует за ней по пятам, наконец не выдерживает). Он мог собрать гораздо больше! (Помолчав.) Извини.

Мира продолжает свою экскурсию по комнате.

Бывало, притащит что-нибудь слишком уж громоздкое и сам поймет, что невозможно. Нет места. (Спохватывается, умолкает.) Извини. Мне, бывало, смотреть больно — как он сначала привлекает какую-нибудь тяжесть, а потом вынужден тащить обратно.

Мира останавливается возле сломанного столика.

Красивая вещь, правда? Конечно, не хватает ножки... Но мы придумали — подставили ящик.

Ничего, всегда можно приспособиться. Главное, чтобы был здоровый аппетит и сытная еда.

Мира приближается к диванчику, заваленному газетами.

Это за много лет! (Смеется.) Можно сказать, вся наша история. Ничего, я подвину. (Пытается сделать это.)

Мира подходит к двери в бывшую детскую.

(Как будто порывается остановить ее.) Не надо, не ходи, не стоит...

МИРА (тем не менее распахивает дверь). Ясно. Забито до потолка. Действительно, с чего я взяла, что моя комната должна оставаться неприкосновенной?

ТИРЦА. Он поместил туда самые лучшие вещи. Можешь поглядеть.

МИРА. Скажи, ты не способна несколько минут помолчать?

ТИРЦА. Извини. Это знаешь — это как когда я тебя кормила. У меня было много молока. Я все время хотела кормить тебя.

МИРА. При чем тут молоко? С какой стати — кормила?

ТИРЦА. Я не знаю. Просто так. Наконец-то ты здесь, со мной — а я должна молчать? Я так рада видеть тебя.

МИРА (неожиданно). А как это было?.. Когда ты была беременна мной?

ТИРЦА. Ты меня спрашиваешь?

МИРА. У тебя не возникало такое чувство, будто кто-то силой впихнул тебе в живот какую-то гадость? Что она возбуждает, пухнет в тебе, и ты ничего не можешь с этим поделать? Что ты как будто... Как будто засоренная раковина? (Умолкает, почувствовав, что сказала лишнее.)

Тирца смотрит на нее.

В чем дело?

ТИРЦА. Я как раз была рада... чувствовать тебя. И потом, знаешь... (Смеется.) Я всегда была такая тощая. Иногда мне казалось, что меня вообще нет. А во время беременности я пополнила и вдруг поняла, что я есть. Как будто... (Смеется.)

МИРА. Да?

ТИРЦА. Нет, ничего. Что — уже и смотреть на тебя нельзя? (Помолчав.) Почему ты спрашиваешь?

МИРА. Что я спрашиваю?

ТИРЦА. Про беременность...

МИРА. Не знаю. Может, мне хочется узнать, откуда я взялась. А ты почему спрашиваешь?

ТИРЦА. Что?

МИРА. Что? Почему я спрашиваю.

ТИРЦА. Ты забеременела?

МИРА. Я похожа на тех, которые беременеют?

ТИРЦА. Почему бы и нет? Беременность — это такое дело...

МИРА. Дай мне постоять немножко спокойно.

ТИРЦА. Что? Я не слышу. Ты что-то бормочешь себе под нос...

МИРА. Правильно — я холодна, как рыба. Все так говорят. Но я прошу тебя немного помолчать. Только немного помолчать.

За окном возникает силуэт МАКСИМА.

ТИРЦА (замечает его). Кто-то там ходит...

Мира бросает взгляд на окно, видит Максима и отворачивается.

Ты не видишь?..

МИРА. Я вижу.

ТИРЦА. Ты не знаешь его?

МИРА. С какой стати я должна его знать?

ТИРЦА. Я только спросила. Эта дорожка — она вся заросла. Никто тут больше не ходит. Никто вообще не знает, что тут есть проход.

МАКСИМ исчезает. Тирца хочет сказать что-то, но не решается. Мира слово принохивается к чему-то.

Что-то горит?

МИРА. Тот же самый дух. Дух гнили и разложения. Я была пропитана им насквозь. Люди смотрели и думали: что за пакость, что за мерзость? Из-за нее, из-за этой вони, я как будто все еще здесь — точно такая, как была тогда, — маленькая вонючка.

ТИРЦА. Что за глупости? Что ты выдумываешь? Какая гниль, какая вонь? Я без конца мою и чищу.

МИРА. Да, конечно. И даже опрыскиваешь одеколоном. Самым дешевым одеколоном.

Покупаешь на рынке и опрыскиваешь.

ТИРЦА. Ничего подобного.

МИРА (берется за свою сумку). Я ухожу.

ТИРЦА. Подожди минутку. Он сейчас вернется. Если ты уж столько ждала...

МИРА. Я ждала? Его?!

ТИРЦА. Он болен. Он очень болен. Правда.

МИРА. Это причина начать любить его? Это делает его чистым, приятным, привлекательным?

Именно на это они и рассчитывают — в конце концов они умрут, и все простится.

ТИРЦА (в полном отчаянии). Ты не понимаешь? Его больше не будет. Никогда! Это ваш последний шанс. Последняя возможность...

МИРА. Последняя возможность — для чего? Поругаться, поскандалить? Наорать друг на друга? Вернуться опять ко всему этому сумасшествию? Опять, все сначала?

ТИРЦА. Не обязательно ругаться. Можно по-другому. По-хорошему. Можно пожалеть человека.

МИРА. Мама, в этом твоём «по-хорошему» для меня нет ничего хорошего. От твоей беспредельной доброты все вокруг становится потным, липким. Это болезнь, порча. Зачем ты это сделала? Ты ведь знаешь меня, правда? Неужели ты всерьёз надеялась, что таким образом вернешь в дом мир и покой? О чём ты думала?

ТИРЦА. Я не знаю, я ни о чём не думала. Я только... Может, хоть теперь, когда ты сама ждешь ребенка...

МИРА. Я — жду ребенка?! Ты с ума сошла? С чего ты взяла?!

ТИРЦА. С чего! Ты сама сказала. Я пытаюсь что-то сделать. Ты спросила, как я себя чувствовала во время беременности...

МИРА. Я спросила про твою беременность, при чём тут я?

ТИРЦА. И кто-то звонил, спрашивал про тебя. Не назвался. Я сказала, что ты, возможно, приедешь...

Мира смотрит на нее, потом переводит взгляд на окно.

Он ушел. Тот, который там был...

МИРА. Зачем ты мне говоришь об этом?

ТИРЦА. Просто так. Ты посмотрела в окно. Как будто о чём-то подумала. Ты не рассказываешь, о чём ты думаешь.

Мира снова берется за свою сумку.

Когда мы в прошлом году сидели с тобой в кафе, ты тоже говорила о беременности...

МИРА. Я говорила о свободе! Говорила, что следует предотвращать беременность, а не избавляться от нее, когда уже поздно. Чепуха! Это слишком даже для такой, как я, — забеременеть, чтобы иметь возможность решать, рожать или нет. В столь странной форме воспользоваться свободой выбора.

ТИРЦА. Я помню про беременность, про свободу я не помню...

МИРА. Разумеется! (Помолчав, неожиданно.) А если и беременна? Что — забеременеть, значит, сразу превратиться в корову? В тряпку? Стать чувствительной самкой? Он болен — какой ужас! Он же может умереть! Необходимо растаять, уступить, полностью сдаться. А может, и правда? Может, это то, что выходит из беременности?

ТИРЦА. Из беременности выходит кое-что другое.

МИРА. Правда? Очень интересно! (Поворачивается, чтобы уйти.)

КУПЕР возникает в дверях с двумя стульями в руках.

ТИРЦА. Это ты?.. Заходи. Зачем же ты?..

Купер не двигается.

Мира приехала... Решила навестить нас...

КУПЕР (протискиваясь со своей ношей в комнату, обращается исключительно к жене, игнорируя присутствие дочери). Видишь? Нет, ты взгляни! Ты понимаешь, что это за стулья? Редкостное везение. Какое дерево! А работа? Такую вещь бросить на улице!.. (Опускает стулья на пол и принимается расчленять один из них на отдельные части.) Ты видишь? Ничего не стоит разобрать. И собрать... (Безуспешно пытается соединить отдельные части, они разваливаются у него в руках. Он замирает, захваченный новым приступом боли.) Целые семьи... еще будут сидеть... на этих стульях...

МИРА (в сторону). Да, целые семьи — на двух стульях!

КУПЕР. Кто-то тут что-то сказал?

ТИРЦА. Никто ничего не сказал. (Придвигает ему кресло.) Сядь.

КУПЕР (не желает садиться, оборачивается к стоящей рядом плите). И целые семьи еще будут варить на этих плитах! Подумать только — кто-то их создавал, мастерил, совершенствовал. Сто лет назад такую вещь берегли, как подлинное достояние. Люди не смели даже мечтать о таких стульях. О таких плитах. А сырье? Материал? Железо? Медь? Шахтеры гибнут в шахтах, добывая для нас эти металлы. Это тебе известно? А корабли, которые доставляют руду на заводы? Разве не случается, что они тонут в морской пучине? А дерево? Иногда я представляю

себе лесорубов — как они валят гигантские деревья и сплавляют стволы по рекам к океану. И после этого выбросить такую вещь? Да это все равно что плюнуть им в лицо! Это... (Новый приступ боли вынуждает его прервать свой монолог.) А-а-а...

ТИРЦА (пытается усадить его в кресло). Да сядь же ты наконец!

КУПЕР. Не желаю! Я не желаю сидеть! Этот плуг... Я нашел его на улице Аленби. Подумать только — плуг на центральной улице города! Как он туда попал? Нам тут не требуется никакой телевизор. Все семь чудес света у нас под носом, только открыть пошире глаза и распахнуть свое сердце... Да, семь чудес света!.. (В гневе, не глядя на Миру.) Это не тряпье, как ты выражаешься, слышишь?! Не мусор, не рухлядь! Это вам не нынешний пластик! Который робот штампует на конвейере. По единому шаблону. Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп! За секунду сделано, за секунду летит на помойку. Разумеется, кому-то это приносит прибыли и сверхприбыли. Кому-то это выгодно. Изгадить, истощить планету, истребить, выпотрошить весь мир! (Скрючивается от боли.)

Мира собирается возразить, Тирца жестом приказывает ей молчать. Купер смотрит на нее, преодолевая боль.

ТИРЦА. Ничего. Никто ничего не сказал.

КУПЕР (через силу). Представь себе: весь мир гибнет, и на всем свете останется только один человек...

ТИРЦА. Зачем же — один? Пускай останутся хотя бы двое.

КУПЕР (упрямо). И тогда... самая бесполезная книга... станет для него настоящим сокровищем. Вот эти наполовину исписанные тетради... Он сможет использовать их, вести дневник. Журнал! Он сможет начать все сначала. У него будут стулья. И стол. Плита, печка. Торшер. Он наладит их. Смастерит новые по их подобию. Вот этот безногий столик и этот плуг — они принесут ему больше пользы, чем все фотографии на свете! (Выпрямляется, обнимает Тирцу за плечи.) Что, разве не так? А?

ТИРЦА (снова пытается усадить его). Конечно. Разумеется. Сядь!

МИРА. Разумеется! Остается только узнать, что этот последний человек станет делать со всей этой вонищей? Этот несчастный, который останется один-одинешенек во всем мире? Какую службу сослужат ему этот распад, это гниение?

КУПЕР (обращаясь исключительно к Тирце). Жизнь — это и гниение. Да — и гниение! А не мертвые снимки.

МИРА. Я полагала, что, кроме гниения, жизни присущи еще некоторые признаки. Но у тебя почему-то все ограничивается только разложением и вонью. Кислым запахом застоявшегося пота.

КУПЕР (по-прежнему обращается к Тирце). Кто ей позволил? Мерзавка, девчонка! Хоть каплю уважения к тем, кто в поте лица своего создавал эти вещи. Да, это запах пота — пота безымянных тружеников. Она не ведает, что такое труд. Что такое усталость. Это ей невдомек. Неинтересно. Это невозможно сфотографировать.

ТИРЦА (ей наконец удается усадить его). Вот так. Сиди. Возьми, выпей. (Заставляет его принять лекарство, поворачивается к телефону, звонит куда-то.)

МИРА. Я как раз знаю! Эту вонь я знаю. И нет в ней ничего особенного. Ничего заслуживающего уважения. Попадает на каждом шагу. Во всех этих паршивых дырах — в Индии, в Африке, в Нью-Йорке тоже. Это не пот тружеников. Трудящиеся люди моются, даже самые бедные. Это запах лени, безделья, побирушества, бесстыдства. Запах неудачников, опустившихся на самое дно. И страха. Голода, ран, уродств, неизлечимых болезней. Я узнаю его мгновенно, в любом месте. Потому что это запах моего родного дома.

КУПЕР. Я — неудачник? Бездельник?

МИРА (указывая на Купера). Это то, что делает его особенно страшным. Жизненное поражение по собственному желанию. По заказу. Идеология. Назло всем! Добровольно. И как это приклеивается! Прилипает навеки. Люди и теперь чувствуют это во мне. Точно так же, как тогда в школе.

ТИРЦА (не отрываясь от телефонной трубки). Что за дурацкие фантазии! Никогда не было никакой грязи и никакой вони. Ни тогда, ни теперь! Люди могут подтвердить.

МИРА. Нет уж, извини, я лучше знаю! Каждый мгновенно распознавал это, каждый сторонился меня.

КУПЕР. Она ходила в лучшую гимназию! И между прочим, всегда была отличницей. Я настоял, чтобы ее приняли туда. Это была самая известная школа в городе.

МИРА. Если отправляешь дочь в такое место, нужно позаботиться о соответствующем антураже для нее. Не допускать, чтобы она вся насквозь пропиталась запахом супа из куриных голов!

ТИРЦА (кладет телефонную трубку). С какой стати? Не выдумывай! В жизни я не варила никакого супа из куриных голов.

МИРА. Не важно, что не варила. Важно, что все смеялись надо мной. Прозвали меня «Ку-ка-ре-ку». Ни про одну другую девочку, ни про одну семью не говорили так. Мне хотелось умереть, провалиться сквозь землю.

ТИРЦА. Ты сказала — я купила одеколон...

МИРА. Купила на рынке самый дешевый одеколон! И то потихоньку. В тайне от него. Вместо того чтобы восстать и выкинуть вон всю эту гадость! Когда я начала душиться этим одеколоном, надо мной принялись смеяться еще больше.

Купер с трудом поднимается на ноги.

ТИРЦА. Зачем ты встаешь? Сиди...

Купер с ненавистью отпихивает в сторону кресло, весь дрожит, с трудом удерживает равновесие.

МИРА. Специально. Чтобы попугать тебя.

Купер не обращает внимания на ее слова.

Я разговариваю с тобой. Это я здесь. Я, а не плуг с улицы Аленби!

КУПЕР (произносит тихо, обращаясь к Тирце). В самом деле? Она здесь? Что случилось? У нас кто-то умер? Предстоят похороны?

МИРА. У нее были добрые намерения. Она объявила тебя покойником, чтобы мы могли встретиться. Купер и его дочь. Покаяться, простить, возлюбить друг друга и взаимно друг друга оплакать.

КУПЕР (из последних сил, на этот раз Мире в лицо). Вон отсюда! Убирайся! (Обернувшись, видит Тирцу.) Ты тоже! Обе!

ТИРЦА (испуганно). Что ты? Почему?

МИРА (обнимает мать). Ты боишься его? Он с трудом держится на ногах. (Поворачивается к Куперу.) Но командует! Гонит! «Вон! Прочь!» Как тогда. Мне было всего шестнадцать лет. И я...

КУПЕР. Я не выгонял тебя! Я никого не выгонял. Ты сама ушла. Сбежала от нас.

МИРА. Да. После того, как...

КУПЕР (обращаясь к Тирце). Она еще имеет наглость? Она смеялась мне в лицо! Она...

МИРА. Неправда! Я всего лишь мыла руки.

КУПЕР. Мыла руки — с мылом, долго и тщательно — перед тем, как выйти из дому. «Всего лишь»!

МИРА. Правильно — не «всего лишь».

КУПЕР. Ежедневно! Демонстративно!

МИРА. Совершенно верно!

КУПЕР. Сколько можно было терпеть? Девчонка! Она тебе заявляет: «Там на улице чисто. Там отличный запах. А тут, в отцовском доме, — грязь и мерзость! Там все умные, модные, современные, а тут — отец — сумасшедший идиот, выродок!» Да? Так? Отвечай мне! Ты что, не слышишь меня?

МИРА. Я слышу. Я все слышу и всегда все слышала.

КУПЕР. И ни слова мне не ответила. Специально — молча — продолжала мыть руки.

Продолжала мыть руки с мылом.

МИРА. Да, это было так прекрасно — настоящее наслаждение — ничего не отвечать и продолжать мыть руки. С мылом, молча, не торопясь. Я вдруг почувствовала себя сильной, свободной.

КУПЕР. Почувствовала сильной и свободной — вот и получила.

МИРА. Да, эта пощечина до сих пор горит у меня на лице.

КУПЕР. Я тебя не прогонял!

МИРА. Никогда в жизни ты не бил меня. Смеялся надо мной, дразнил, кричал на меня, но никогда в жизни не бил.

КУПЕР. Всякому терпению есть предел. Это была именно та капля, которая переполняет чашу. Ты объявила мерзостью все, чем я дорожил. Во что я верил, чем дышал. Ты плюнула мне в лицо. Перечеркнула всю мою жизнь!..

МИРА (указывая на разбросанный вокруг хлам). Это твое лицо? Вот это? Вот это?!

КУПЕР. Когда ты была маленькая, ты рассуждала иначе. Ты иначе думала.

МИРА. Да. Но девочка выросла и увидела, как живут другие люди. Как выглядят другие дома.

Как устроен большой мир. Я умоляла тебя. Просила, чтобы ты перестал, прекратил. Но ты нарочно принялся таскать еще больше. Устраивать тут еще худшую помойку.

КУПЕР. А как ты думала? По-твоему, я должен был испугаться вас — твоих подружек, твоих учительниц? Вы смеялись надо мной. Ты смеялась над отцом вместе с ними! Этот ваш мир, распахнутый навстречу прогрессу. Вот этот дом — он действительно был распахнут навстречу любому! Любому убогому, любому нуждающемуся. Каждый мог прийти и взять. Выбрать, что ему нужно. Вот это у меня называется «прогресс»!

МИРА. Какому убогому? Какому нуждающемуся? Кто к тебе приходил? Кто брал? Один раз, одна-единственная семья — новые репатрианты — взяли стол. Может, еще два стула.

Стиральную машину. И ты тут же вместо них приволок втрое больше.

КУПЕР. Несчастные — испортили вас, погубили!..

МИРА. Ты клянчил, как нищий: «Придите, возьмите!» Но люди бежали от тебя. От этой вони. На улице от тебя тоже бежали. Матери пугали тобой детишек. Известно тебе об этом?

В комнате воцаряется тишина.

(Чувствует, что хватила через край.) Ладно... Я пошла. Где моя сумка?

КУПЕР (хватается за спинку кресла, чтобы не упасть, произносит тихо и раздельно). Неправда! Дети меня не боялись. Никогда! Только не это!

МИРА. Боялись! Боялись! Боялись! Еще как! И я не перестану говорить об этом. Если бы ты жил один, сам по себе — на здоровье, устраивай свалку, помойку, выгребную яму! Заройся, задохнись в ней ради своих принципов, своей идеологии. Но ты похоронил тут и меня, и маму! Вместе со своей благотворительностью.

ТИРЦА. Нет! При чем тут я?

КУПЕР (из последних сил). Как ты со мной разговариваешь? Я... Я еще жив. Я... Я... Мне удалили опухоль... Величиной с кулак...

МИРА. Да ну? Величиной с кулак?

КУПЕР. Ты! Ты... Я... Я...

МИРА (почти кричит). Все! Хватит. Замолчи. Я не желаю этого слышать!

КУПЕР. А может, ты сфотографируешь, а? Сфотографируй! Клик-кляк! Клик-кляк! А?

МИРА. Тебя мне ни к чему фотографировать! Здесь нечего фотографировать! Весь мир ждет меня — чтобы я его сфотографировала. Весь мир ждет моих снимков.

КУПЕР (продолжает как заведенный, уже не понимая, что он делает и говорит). Клик-кляк! Клик-кляк! Клик-кляк! Клик-кляк! Клик-кляк! Клик-кляк...

МИРА (одновременно с ним). Что за насмешка! Что за дурацкая шутка!

ТИРЦА. Хватит! Достаточно! Посмотрите — вы не видите? Солнце заходит.

И Мира, и Купер замолкают, в недоумении смотрят в окно, потом на Тирцу.

МИРА. Скажи... Ну, скажи опять!

ТИРЦА. Что? Что я такого сказала?

МИРА. Вот то, что ты сказала, — повтори еще раз.

ТИРЦА. Да что в этом особенного? Солнце заходит. Это правда. Еще немного, и вообще скроется.

МИРА. В жизни не слыхивала такого идиотизма!

Раздается сирена неотложки. Купер падает в кресло. За окном снова мелькает фигура МАКСИМА.

ТИРЦА (Мире на ухо). Это я вызвала.

КУПЕР. Что это? Для кого это?

МИРА. Это для тебя. Вставай, я тебе помогу. От одной сирены можно скончаться.

ТИРЦА (заметив Максима). Опять! Он... Там, снаружи. Тот же самый. Который тогда... Ты не видишь?

МИРА. Я не вижу. (Склоняется над Купером, поправляет на нем рубаху, застегивает пуговицу.)

КУПЕР. Оставь! Что ты делаешь?

МИРА. Ничего. Просто застегиваю пуговицу.

КУПЕР. Я еще жив!

МИРА. А что — с застегнутыми пуговицами ты будешь менее жив? Других признаков жизни уже не наблюдается?

Картина третья

Те же декорации, та же квартира ближе к ночи. Уличный фонарь освещает двор и комнату. Отчетливо видна фигура МАКСИМА, то вышагивающего по двору, то останавливающегося возле окна.

ТИРЦА и МИРА заходят с улицы в квартиру, но света не зажигают. Тирца опускается в кресло.

МИРА. Чего ты ждешь?

ТИРЦА (садится, мысли ее витают где-то далеко). Да...

МИРА. Да?

ТИРЦА. Нет?

МИРА. Что — да? Что — нет? Почему ты не зажигаешь свет?

ТИРЦА (продолжая сидеть). Да...

МИРА. Где тут выключатель? Все стены завалены черт знает чем. Невозможно подступиться.

ТИРЦА. Не ищи. Я сама... (Продолжает сидеть.) В темноте не так страшно, правда? Можно продолжать думать, что он где-то тут. Как будто спит в соседней комнате...

МИРА. Что ты пытаешься вытянуть из меня?

ТИРЦА. А может, наоборот — лучше думать так: вот, темно, никого нет... И меня тоже как будто нет... Если меня нет, то некому и бояться, верно?

МИРА. В чем дело, что за представление? Он не первый раз попадает в больницу.

ТИРЦА. Я всегда оставалась около него... Врачи разрешали мне. Меньше работы для персонала.

МИРА. Что же ты сейчас не осталась?

ТИРЦА. А как же ты? Останешься тут одна?

МИРА. Ты что, издеваешься надо мной? Я не такая, как ты. Это самое важное во мне: я не такая, как ты. Мне не требуется, чтобы кто-то меня караулил. Тебе тоже придется привыкнуть к одиночеству. Зажги наконец свет. Я должна уходить. Где моя сумка?

ТИРЦА. Да... (Поднимается, чтобы зажечь свет.)

МИРА (видит за окном Максима, останавливает ее). Подожди, не надо.

ТИРЦА. Что — не зажигать?

МИРА. Нет.

ТИРЦА. Нет — не зажигать? Или нет — зажечь? То есть... Скажи яснее. Я тебя не пойму.

МИРА. Не зажигать. Где моя сумка? Я никогда в жизни ничего не теряю. Но тут! Тут просто невозможно ничего отыскать!

ТИРЦА. Врачи справятся... Он выздоровеет и вернется домой. Я уверена — он скоро вернется. Два-три дня, не больше. Этот доктор — он не сказал ничего плохого, правда? Ничего такого...

МИРА. Мама, хватит!

ТИРЦА. Разве не так?

МИРА. Нет, он не сказал. Я спросила, есть ли какая-то надежда, а он промолчал. И ты прекрасно это знаешь. И ты также прекрасно знаешь, что я не останусь здесь ни одной минуты. В этом сарае я не могу остаться даже до утра. Где она, в самом деле?! Тут ни одна вонючая тряпка не пропадает, только моя сумка с фотоаппаратом!..

Тирца замечает на полу ее сумку и потихоньку задвигает ее ногой поглубже под диван.

Что такое? Что случилось?

ТИРЦА. Ничего, я просто... (Видит снаружи Максима.) Смотри! Этот человек... Он все еще здесь... У нас во дворе...

МИРА (продолжает поиски). Правда?

ТИРЦА. Ты сама видела... Ты знаешь, он мне кого-то напоминает... Очень похож. Этот мальчик, сын зеленщика. Максим! Они жили тут неподалеку, ты помнишь?

МИРА. Помню.

ТИРЦА. Такой дом... Там всегда кричали. Отец всегда кричал на всех. По-моему, он и колотил его. Купер всегда очень его жалел — мальчика. Угощал конфетами.

МИРА. Да, я слышала.

ТИРЦА. Он был твоим поклонником. Воздыхателем. Знаешь такое слово — воздыхатель? Так раньше говорили. Он был еще совсем маленький — классе в пятом-шестом...

МИРА. Да, это правда.

ТИРЦА. Теперь я понимаю...

МИРА. Что ты понимаешь?

ТИРЦА. Откуда он знает, что тут есть дорожка... Что тут есть проход. Он всегда поджидал тебя там.

МИРА. Поджидал? Меня?

ТИРЦА. Ты была уже старшеклассницей. А его отправили в интернат. Лучше бы отправили отца. Он приезжал только на каникулы. Приходил и стоял здесь. Лишь бы увидеть тебя. Ты здесь проходила, когда возвращалась домой.

МИРА. Я не помню ничего такого. Я ни разу не видела его здесь.

ТИРЦА. Ты и не могла видеть. Он прятался под кустом. Ложился на землю и выглядывал оттуда. Как только видел тебя, сразу прятался. Чтобы ты не заметила. Я сразу догадалась...

МИРА. И что же дальше?

ТИРЦА. Иногда целый час стоял здесь. Даже два. Пока ты покажешься.

МИРА. А ты знала и не сказала мне?

ТИРЦА. Это было так трогательно... Настоящая любовь. Я обожаю, когда настоящая любовь.

МИРА. Настоящая любовь? Меня передергивает, когда я об этом слышу.

ТИРЦА. Пойми — не так-то легко: ждать целый час, даже два. И прятаться под кустом.

Ложился на землю и ждал. И все только для того, чтобы увидеть, как ты пройдешь мимо. Какие-то считанные мгновения. Я иногда думала: а вдруг из этого и вправду выйдет любовь? Вдруг вы поженитесь? Знаешь, мы с Купером познакомились, когда мне было двенадцать лет. А ему четырнадцать. Он не любил никаких перемен. Все раз и навсегда...

МИРА. Не сомневаюсь.

ТИРЦА. Он был хороший мальчик. Забегал к Куперу в его мастерскую. Купер говорил, что он лучше всех твоих приятелей из так называемых приличных домов.

Максим подходит снаружи вплотную к окну и заглядывает в комнату. Мира поворачивается в его сторону.

Он слышал твой голос. Он знает, что ты тут.

МИРА (обернувшись к окну.) Я уже сделала это. Все уже позади.

Максим никак не реагирует на ее слова.

(Продолжая искать свою сумку.) Ты что, не слышишь? Я уже сделала это. Сегодня утром. В клинике доктора Александрова. Мне все устроили, назначили вне очереди. Я боялась, что опоздаю с этим, что они скажут: «Теперь уже нельзя», но все обошлось. Ты ведь и без меня знаешь, правда? Ты ведь всегда все знаешь.

Максим молчит.

Ну где же она? (Обернувшись к Максиму.) Правильно, я еще не сделала этого. У меня была очередь, но я отменила ее. Меня вызвали на похороны.

ТИРЦА. Упаси Бог! Никаких похорон!

МИРА (Максиму). Я сделаю это завтра. Тебе ничто не поможет. Ты что, не понимаешь? Ну где же, где? Я должна убраться отсюда! (В сильнейшем раздражении принимается передвигать и разбрасывать находящиеся в комнате вещи, швыряет что-то в окно — так, чтобы попасть в Максима.)

ТИРЦА (потрясенная ее поведением). Что... ты делаешь?

МИРА (на какое-то мгновение останавливается, смотрит на мать, потом с новым ожесточением принимается швырять в окно одну вещь за другой). Какое удовольствие! Какое блаженство! (В руках у нее оказывается сумка с фотоаппаратом, и она едва не выбрасывает в окошко и ее.)

ТИРЦА. Твоя сумка! Камера!

МИРА (опомнившись). Как она сюда попала? Я ее сюда не ставила, это уж точно!

ТИРЦА. Не знаю. Я ничего не знаю.

МИРА. Разумеется — не знаешь! (Снова принимается швырять в окно предмет за предметом.) Как прекрасно! Как это все разлетается на куски! Кажется — такое все громадное, настоящее чудовище, а на самом деле — щепки, сухие кости, призрак, ничто.

ТИРЦА. Купер! Твой отец. Он вернется...

МИРА. Да. Вернется. Как предсказал врач. Не сказал ничего плохого. Просто промолчал.

ТИРЦА. Даже с курицы перья ощипывают только с мертвой.

МИРА. Повтори это, пожалуйста, еще раз.

ТИРЦА. Даже с курицы перья ощипывают только с мертвой.

МИРА (едва слышно). Ты пригласила меня к нему после его кончины, не так ли? (Бросает еще какую-то вещь в окошко.) С каких это пор он сделался курицей? Интересно — ощипывают. Так это его перышки? Нет у него другого одеяния, другой шкуры? Как-никак был отличным мастером. Можно даже сказать — отважным человеком. По любому поводу имел собственное мнение. Он был... Впрочем, достаточно и этого. (Собирается продолжить свое занятие.) И больше, пожалуйста, не лги мне. Вранье и полвранья! Как вся твоя жизнь. И не прячь никогда мою сумку. Если бы ты не спрятала ее, я бы давно уже ушла отсюда. (Оборачиваясь к Максиму.) Ты еще там? (Швыряет в него ножкой от стула.) Чтобы я? Я — родила ему ребенка! И не просто ребенка — мальчика, которого он назовет в честь своего отца! Даст ему имя своего отца. Да, того самого отца, который избивал его до полусмерти. Нашел себе подходящий инкубатор! Именно ту женщину! Какое счастье — наконец-то встретились! Старая привязанность. Трогательные воспоминания. Алте захен из отцовской мастерской. Что ты выслеживаешь меня? Надеешься воспрепятствовать? Задержать меня у входа в клинику? Что же

ты сделаешь? Схватишь меня? Запугаешь? Свяжешь? Или опять будешь прятаться под кустом и подсматривать? Хочешь заморозить меня своими взглядами? Мало мне тут сумасшедших кроме тебя? (Замолкает на минуту, принимается словно бы успокаивать самое себя.) Хватит. Замолчи. Годами молчала. Ни разу не вспомнила. И вдруг... Все падает из рук...

Тирца смотрит на нее и улыбается.

Чему ты смеешься?

ТИРЦА. У тебя разругались щеки...

МИРА. Разругались щеки? Это то, что тебя сейчас волнует — цвет моего лица?

ТИРЦА. Может, поехать — сказать Куперу? Что ты беременна.

МИРА. Только посмей! Никаких беременностей. Нет и не предвидится.

ТИРЦА. Он обрадуется. Не так уж много ему осталось...

МИРА. Ты понимаешь, что ты говоришь? Он умрет, и я останусь там, у него в башке, с этой беременностью! Еще одна ловушка? Ни в коем случае! (Снова принимается выбрасывать вещи из комнаты.)

ТИРЦА. Он очень любил детей... Вообще-то он был из бедной семьи. Девять братьев и сестер. Жили в подвале. Ничего не было. Холод, голод. Он мне часто рассказывал — как было холодно и голодно. И он почему-то хотел, чтобы у нас тоже было семеро детей. Такой у него был план. А я после тебя уже не могла рожать. Я даже один раз сказала ему: если тебе так хочется детей, я согласна на развод. Возьми себе другую жену, пусть нарожает тебе еще шестерых. Он после этого два месяца со мной не разговаривал, — дескать, за кого я его принимаю! А потом начал собирать... все это... всякие старые вещи.

Мира останавливается, прислушивается к ее рассказу.

Да, так оно и было.

Конец первого действия

Действие второе

Картина первая

Следующий день после обеда. Действие происходит то во дворе возле дома, то в квартире. Через распахнутые окна можно видеть внутренность квартиры, теперь почти свободной от всего, что в ней находилось. Все вещи выброшены во двор. Какая-то часть наиболее громоздкой мебели переместилась на тротуар позади заборчика. Обломки столов и стульев, какие-то тряпки, старые газеты — все свалено в кучу. Часть из них валяется на траве и на дорожке. Некоторые предметы собраны отдельно в стороне — припрятаны возле забора под кустом. ТИРЦА выходит из дому, волоча за собой тяжелый мешок.

Направляется с ним к большой куче.

ТИРЦА (ни к кому не обращаясь). Вот так... Он говорит: ничего не выбрасывать! А она говорит: выбрасывай. Все выбрасывай! Кого я должна слушать? С одной стороны, конечно, он мой муж. Но с другой стороны — она моя дочь. Моя кровь, верно? С другой стороны, она и его дочь. Его кровь... А с другой стороны... Или уже с третьей? Даже если он... По правде говоря, ему больше полагается. Но все равно приходится делать, как она говорит. В конце концов, она здесь, а он там... В больнице... Как он кричал... (Оглядывается, чтобы убедиться, что Миры нет поблизости, и скоренько перетаскивает несколько вещей из большой кучи в меньшую, скрытую за кустом.) Пусть хоть что-то останется... Хоть немножко...

Тем временем МИРА появляется на тротуаре за забором, направляется к дому, но останавливается, словно не решаясь зайти в квартиру. Присаживается на скамейку у забора, сникает, как будто задремывает.

(Замечает дочь, подходит поближе, останавливается в нескольких шагах от нее. Говорит негромко.) Я сказала ему...

Мира, как видно, не слышит ее слов.

Уснула... (Отступает от нее, потом возвращается и говорит уже громче.) Я сказала ему...

Сегодня... Во время обеда... (Совсем громко.) Я сказала ему! Я — сказала!

МИРА (просыпается, вскидывает голову). Ты что-то сказала?

ТИРЦА. Нет, ничего... Ты уснула... Задремала. Ты падаешь с ног от усталости...

МИРА. В самом деле? (Поднимается и направляется к дому.)

ТИРЦА (пытается убедить себя, что выполнила все, что от нее требовалось). Я ей сказала.

Никто не может сказать, что я не сказала. Да, сказала. (Снова возвращается к груде сваленных во дворе вещей и принимается оттаскивать что-то в сторону.)

МАКСИМ возникает за ее спиной, шаг за шагом осторожно приближается.

(Замечает вдруг чье-то присутствие, пугается.) Нет! Кто?.. (Понимает, что это Максим.)

Здравствуй. Ты меня напугал. Он говорил, что я обожаю пугаться. Бояться и пугаться. Сейчас у меня в самом деле есть много всего такого, чего следует бояться.

МАКСИМ. Ничего? Вы не слышали? После обеда?

ТИРЦА (как будто не слышит его слов, продолжает перетаскивать вещи.) Сейчас я должна бояться, что он вернется и увидит... Что я все выбросила... И ее тоже должна бояться. Если она увидит, что я... Да, вместо того чтобы выбросить... Прячу тут в сторонке... Так, кое-что, немного...

Максим делает еще один робкий шаг.

Я слышала. Я понимаю. Я, может, и глупая, но не настолько. Не совсем дура. Слышала, как она звонила.

МАКСИМ. Что вы слышали? Я просил вас передать мне. Вы ведь тоже не хотите, чтобы...

ТИРЦА. Какая разница, что я хочу и чего не хочу? Я вот хотела, чтобы они встретились и помирились. И что из этого вышло? Вышло, будто бы я сказала, что он умер. Теперь он в больнице. А она выбрасывает вещи, которые он собирал всю жизнь. Для меня собирал, для дома. Чтобы у меня был приличный дом. Настоящий погром, правда? Я должна оставаться такой, как я есть. Если уж у меня такой характер... Пусть так и будет. Все чего-нибудь хотят. Один хочет собирать — надо собирать. Другая хочет все выбросить. Приходится выбрасывать. Оказывается, даже мыло наше нужно выкинуть. Даже мыло у нас грязное. Кто это может быть, чтобы мыло было грязное?

МАКСИМ. Что вы слышали?

ТИРЦА. Можешь ты себе такое представить — чтобы мыло было грязное?

МАКСИМ. Что она сказала? По телефону? Когда звонила в клинику?

ТИРЦА. Ей назначили очередь. Вечером. Сказали — иначе будет поздно. Опасно. Так они сказали. Хотели, чтобы она утром приехала. Но она сказала, что не может. Должна еще закончить тут кой-какие дела. Так она сказала. Из-за этого она так нервничает. Торопится, бегаёт — ни днем покою, ни ночью. Хочет успеть все выкинуть раньше, чем будет совсем уже поздно. Окончательно поздно.

МИРА появляется на пороге квартиры, волочет старинную кровать. Максим поворачивается к Тирце, словно спрашивает, что тут происходит.

Все — вон, на улицу! Громоздкие вещи приходится тащить туда. Он иногда возвращался поздно — смотрю: волочет что-нибудь. Зимой тоже. В дождь. Ни одной собаки не видно на улице.

Вдруг — стол появляется. Будто сам собой. Стиральная машина. Страна гибнет, пропадает, разрушается — это он так говорил. Мы обязаны что-то сделать, спасти!

Максим делает шаг в сторону Миры.

(Дотрагивается до его руки, будто хочет его остановить.) Подожди. А вдруг? Кто знает? Иногда думаем одно, а выходит как раз противоположное. Она слишком усердствует. Прямо падает с ног. Даже задремала здесь. Присела на минутку и уснула. Но... Она всегда так — если работать, так до упаду. А потом будет спать целые сутки. Вся эта уборка... Моя мама, когда бывала в положении, весь дом вверх дном переворачивала — ужас! (Обращаясь издали к Мире.) Это моя кровать. (Максиму.) Второй раз. Один раз уже выбросила, я еле затащила обратно.

Мира издали слышит ее голос, оставляет кровать, подходит ближе и видит, как Тирца перетаскивает вещи с одного места на другое. Максим отступает в сторону.

(Пытается собственным телом заслонить ту часть вещей, которая спрятана под кустом.) Как дела? (Указывает на Максима.) К тебе гость, он...

Мира ничего не отвечает, делает вид, что не замечает Максима.

(Указывая на вещи, сваленные посреди двора.) Ну и груда! Ты сегодня много успела. А еще те вещи, что на улице. (Принимается объяснять Максиму.) Это все помещалось в нашей квартирке!

Трудно поверить, правда? Рухлядь, барахло! Верно, зачем оно? Выкинуть, правда?

Мира никак не реагирует на ее слова.

Разве не так?

МИРА (указывая на вещи под кустом). Мама, что это?

ТИРЦА. Что?

МИРА. За твоей спиной. Вот там — у забора?

ТИРЦА. Смотри-ка, интересно... Как они туда попали? В точности как здесь. Такие же тряпки. Старье. Пускай остаются. Какая разница. Уборщикам легче будет, не придется забирать все сразу.

Мира принимается снова стаскивать все в центр двора.

Как он сегодня кричал — там, в больнице...

МИРА. Правда? Я не знала.

ТИРЦА. Ты тоже слышала. Мы же были вместе. Ты даже привела врача, чтобы он сделал ему укол.

МИРА. Зачем же ты мне рассказываешь? И если кричал, так что — поэтому надо припрятывать тут, в сторонке?

ТИРЦА. Правда. (Принимается помогать Мира перетаскивать вещи в центр двора. Замечает среди них свое пальто.) Мое пальто! Совсем еще хорошее. Я его носила этой зимой.

МИРА. Я куплю тебе новое.

ТИРЦА. Купер, твой отец, купил его. Когда я была беременна тобой. Он умел выбирать вещи. Мира останавливается.

(Накидывает пальто ей на плечи.) Он нарочно купил такое — немного тесноватое. Чтобы я могла носить и потом, после родов. Нет, совсем мало оно не было. В плечах было совсем хорошее. Только на животе не сходилось. Я, бывало, пыталась застегнуть — когда было холодно... Думала, лопнет по швам — ничего подобного! Он знал, что такое добротная вещь! Мира не сопротивляется, позволяет набросить на себя пальто и стоит в нем, как загипнотизированная.

На тебя тоже хорошо. Просто замечательно сидит. Он так и сказал: это пальто и наша дочка сможет носить — когда сама будет в положении.

МИРА (с неожиданно тихим незлобивым смехом). Я еще только сидела у тебя в животе, а вы уже сделали меня беременной? (С отвращением сбрасывает с себя пальто.) Как это липнет, мерзость!

Тирца как будто хочет что-то возразить.

Да? Ты хочешь что-то сказать?

ТИРЦА (решительно). Я сказала ему.

МИРА. Что сказала? Кому?

ТИРЦА. Ты знаешь.

МИРА. Я не знаю!

ТИРЦА. Куперу. Твоему отцу. Что ты беременная.

МИРА. Я ведь не велела тебе говорить. Правда? Зачем же? Чтобы отговорить меня? Для чего?

ТИРЦА. После того как ты ушла, у него опять начались сильные боли. После обеда. Он уснул после укола, но было видно, что все равно болит. И я сказала ему.

МИРА. И что произошло? Боли прекратились? Он хотя бы слышал, что ты говоришь?

ТИРЦА. Я не знаю. Он открыл глаза. А потом опять закрыл.

МИРА. Пусти, дай пройти, хорошо? (Снова берется за кровать, чтобы тащить ее дальше.)

ТИРЦА. Это моя кровать. Ты уже вытащила ее один раз.

МИРА. Что же ты молчала? Почему сразу не сказала?

ТИРЦА. Как я могла? Ты все время... Ты...

Мира снова берется за кровать, перед ней появляется Максим. Тирца, воспользовавшись моментом, опять принимается перетаскивать вещи из общей груды под куст у забора.

МИРА (Максиму). Что еще?

МАКСИМ. Позволь мне, я вытащу.

МИРА (останавливается). У меня была собака. Когда у нее начиналась течка, все кобели со всей округи сбегались к моему дому. Не было никакой возможности отогнать их. Чуть отскочит и тут же возвращается. Один вообще не трогался с места — черный такой, большой. Я его луплю изо всех сил, а он ничего — даже не огрызается. Мог ведь наброситься на меня — нет, ничего. Я его бью, а он стоит и смотрит — такими печальными глазами. Я даже сейчас чувствую — я его бью, а он вздрагивает под ударами, и ни с места. Такой покорный собачий взгляд. Ужасно.

(Наклоняется, чтобы снова взяться за кровать.)

Максим преграждает ей дорогу.

Двадцать лет! Двадцать лет ты прячешься тут под кустом и караулишь меня. Прокрадываешься тайком. Мог пустить тут корни. Чтобы потом опутать меня ими. Как спрут. Вцепился в меня с этой своей любовью, проник! Чтобы затолкать мне в утробу своего отца. Чтобы я... Из всех женщин почему-то именно я! Чтобы я родила ему сына, которого он сможет назвать именем

своего распрекрасного отца. После всех побоев, которые он вытерпел от него, всех издевательств. После этого всего ты еще что-то должен ему?! Не просто так что-то — имя! Чтобы сын, чтобы ребенок!..

МАКСИМ. Ему я ничего не должен. Это не для него. Это для меня. Я...

МИРА. Не желаю ничего слушать. Убирайся отсюда!

МАКСИМ (не слишком громко, но с подлинным отчаянием в голосе). Многие люди носят это имя. Очень многие. Я постоянно слышу, как кто-то произносит это имя. И когда я слышу его, я тотчас чувствую удар в живот. Свинцовый удар, от которого перехватывает дыхание. Это убивает меня, у меня внутренности разрываются на части! Я любил его, но он был скверный, подлый человек, мой отец. Жестокий человек!

Мира останавливается, смотрит на него в недоумении.

Ребенок будет хорошим. Хорошим человеком, ты понимаешь? Он будет носить имя моего отца, но он будет хорошим человеком. Я буду звать его — называть именем моего отца, буду слышать, как другие называют его этим именем — именем моего отца, но без этого свинцового удара в живот. Я... Я...

МИРА. Говори, я слушаю.

МАКСИМ. Я сделаю его хорошим человеком. Да, с этим именем, с именем моего отца, он будет добрым человеком. Если он заплачет ночью, я встану и потихонечку подойду к нему. Я не стану бить его за то, что он разбудил меня. Я подойду и накрою его одеялом. Чтобы он успокоился. Чтобы уснул. А когда он уснет, я вернусь в свою постель и тоже усну. Спокойно усну.

МИРА (делает шаг в его сторону, можно подумать, что его слова растрогали ее, но тут же останавливается.) Что ты хочешь от меня? Можно с ума сойти! Это... Просто расточительство какое-то! Такой парень — с деньгами. Симпатичный. Нравишься женщинам. Серьезный, не трепач какой-нибудь. Многие женщины с превеликим удовольствием родят тебе этого твоего ребенка. Почему именно я? Со мной это пустая трата времени. Ты не понимаешь? Я думала, что смогу. Мне даже показалось, что я хочу. Оказалось — нет. С какой стати ты упрямишься? Только потому, что привык? Столько лет подряд выслеживаешь? Я что — старинная грамота, антиквариат?

Максим пытается приблизиться к ней.

Нет! Не хочу.

МАКСИМ. Тебе хорошо со мной.

МИРА. А если и хорошо? Именно поэтому! Ты не понимаешь? Именно поэтому! Это не беременность, это не ребенок, это ты, ты! Ухватил меня изнутри. (Пятится от него, натывается на кровать, невольно опускается на нее.) Тебе не удастся. Ты меня не поймал! Никто меня не поймал. Запустил щупальца. Только чтобы обрубить эти твои щупальца, я сделаю аборт. Выкину его вон. Только ради этого! (Сидит некоторое время молча, сникает, как будто даже задремывает сидя.)

ТИРЦА (осторожно накрывает ее плечи одеялом, которое вытаскивает из кучи валяющегося вокруг барахла). Все тут есть — что ни потребуется. Прямо как дома.

Картина вторая

Конец того же дня. Темнеет. Гостиная пуста, только жалкие остатки прежнего достояния валяются на полу. Посреди комнаты — сумка Миры с фотоаппаратом. МИРА и ТИРЦА заходят в квартиру, устало замирают посреди учиненного разгрома. Мира прислоняется к стене и не то в отчаянии, не то от усталости принимается перекатываться по ней с боку на бок, словно по полу.

ТИРЦА (немного помолчав, полувопросительно). Все?

МИРА. А что еще требуется?

ТИРЦА. Ничего. Я просто так... Когда собираешь, всегда можно найти место еще для одной вещи. А когда выбрасываешь, ничего не остается. Закончили — и все. Конечно.

МИРА. А что, это плохо — закончили, и все?

ТИРЦА. Нет, почему же? Все в порядке.

МИРА. И как тебе теперь? Я имею в виду квартиру...

ТИРЦА. Да.

МИРА. Что — да?

ТИРЦА. Замечательно. Просторно.

МИРА. Ты уже тоскуешь по всей этой гадости.

ТИРЦА. Гадости?

МИРА. Что тут было, кроме всякой пакости?

Тирца не отвечает.

Мама, я не отняла его у тебя. Не выкинула. Это не я сделала его больным. И не ты. В какие игры ты играешь? Все эти годы ты не переставала потихоньку жаловаться. За его спиной. Сядь лучше.

ТИРЦА (смотрит на нее с удивлением, поскольку сестра теперь решительно не на что — разве что на пол). Да, сейчас...

МИРА (с раздражением, по-прежнему продолжая перекатываться по стене). Мне надоело! Сядь! Ты слышишь? Я умираю от усталости. У меня кружится голова. Я еще должна вымыться и одеться. У меня очередь, ты прекрасно знаешь. Почему ты не хочешь сестра? Сядь и выпей чего-нибудь.

ТИРЦА (продолжая стоять на том же месте посреди гостиной). Я сижу. Я давно уже сижу.

МИРА. Да? Ты давно сидишь?

ТИРЦА (с легкой усмешкой). Да, давно.

МИРА. Ты смеешься.

ТИРЦА. А что — нельзя?

МИРА (тоже начинает смеяться, потом произносит устало). Ой, мама, у тебя такой приятный смех. Тебе это известно? У тебя очень приятный смех. Ой, мама, какой у тебя смех... Какой смех... Мама!.. Что со мной творится? Я не помню, когда я в последний раз так смеялась. Все, хватит...

ТИРЦА. Зажечь свет? Тут темно...

МИРА. Нет, пусть будет так. Еще немножко. Ты не поверишь, но и об этом я мечтала. Мне даже снилось. Будто ты сидишь тут, спокойно так отдыхаешь — в кресле возле журнального столика, в нормальной уютной обстановке, и я подаю тебе кофе.

ТИРЦА. Я не пью кофе, только чай.

МИРА. Я исправлю сон. Пусть будет чай вместо кофе. (Без перехода.) Может, теперь, кто знает? Может, теперь он наконец отвяжется от меня — этот мерзкий запах? Может, люди перестанут его ощущать?..

ТИРЦА. Как я буду тут одна?

МИРА. А одной со всей этой мерзостью было бы лучше?

ТИРЦА. Он как будто еще присутствовал тут... Все эти вещи... Да, этот запах... Я могла бы вспоминать, как он приносил каждую из них. Всю нашу жизнь... (Чуть помолчав.) Если бы хоть внук был — нянчить его...

МИРА (хохочет). Понятно, я должна обеспечить тебе внука, чтобы было кого нянчить!

Подумать только — я еще способна смеяться. Я до того устала, что уже не чувствую, до какой степени я устала.

Тирца включает электричество. При ярком свете комната предстает во всем своем безобразии — ободранные, заляпанные, потрескавшиеся стены, обломки и тряпье на полу.

ТИРЦА. Выключить?

МИРА. Нет, оставь. (Продолжает перекатываться по стене, но при этом с удивлением обозревает комнату.)

ТИРЦА. Тебе что-нибудь нужно? Чего-то не хватает?

МИРА. Ты смеешься? Здесь всегда было столько всякого хлама, всякого тряпья. Я всегда думала: кто знает, может, тут спрятано что-то огромное, ценное? Что-то прекрасное? Какой-нибудь дворец? Нет, неправда, я избавилась от всей этой дряни не ради дворца. И не ради тебя, нет. Просто выкинула — и все. Ради того, чтобы выкинуть. Сбросить с себя наконец эту тяжесть. Как сбрасывают с плеча тяжелый камень. Сбросить — и все.

ТИРЦА. Выходит, теперь все хорошо.

МИРА. Что значит — хорошо?

ТИРЦА. Выкинула, сбросила — хорошо.

МИРА. Да, правда. (Продолжает разглядывать комнату.)

ТИРЦА. Может, потому, что холодно.

МИРА. Что — потому что холодно?

ТИРЦА. Не знаю. Просто холодно.

МИРА. Да?

ТИРЦА. Нет?

МИРА. Нет.

ТИРЦА. Правда — жарко.

МИРА. Почему вдруг — жарко?

ТИРЦА. Нет? Тогда что же?

МИРА. Что ты хочешь от меня, мама? Оставь меня! Чего тебе не хватает? Почему ты не сидишь? Ты сказала, что давно сидишь. Где стулья? Где журнальный столик?

ТИРЦА. Снаружи. Ты забыла? Ты все вытащила. Выкинула, выбросила. Даже кровать.

МИРА. А ты молчала, ничего не сказала. Сказала, что сидишь, давно сидишь. (Выходит, возвращается со стулом.) Вот. (Поднимает сумку с фотоаппаратом.) Мои аппараты. Как будто забыла что-то... (Выходит на улицу.)

КУПЕР в больничной одежде появляется тем временем во дворе. Он с трудом передвигается, останавливается перед грудой выброшенных вещей. Приглядывается, с ужасом осознает, что это его сокровища, замирает, пораженный.

На улице загорается фонарь.

ТИРЦА (выглянув в окно, видит мужа. Выскакивает в панике из квартиры, подбегает к нему). Ты?..

КУПЕР (делает шаг ей навстречу, дотрагивается до нее, принимается, как слепой, ощупывать ее лицо). Ты?.. (Указывает на разбросанные по двору вещи.) Я подумал, что я пьян... Что у меня галлюцинации. Грежу от этих уколов... Может, сошел с ума от боли. Или вообще — умер. Может, мне это мерещится? Что бы это могло значить?

ТИРЦА (пытается выиграть время). Что?

КУПЕР. Вот это... Весь двор завален... Груда вещей... Весь... (С ужасом.) Чье? Ведь не... Не... (Не в силах продолжать.) Кто-то из соседей выбросил, да?

ТИРЦА. Да, конечно. Соседи. Кто-то из соседей.

КУПЕР. Выбросили?.. Такие вещи?

ТИРЦА. Ты же знаешь, как это бывает. Люди... Оболванили их, заморочили им голову. Пойдем. Ты должен вернуться в больницу.

КУПЕР. Рабочие... Уборщики... Заберут... все выкинут... Хорошие вещи... Настоящее богатство.

МИРА появляется из-за забора, волочет кровать Тирцы обратно в дом.

(Видит ее.) Это не?..

ТИРЦА. Да, это Мира.

КУПЕР. Откуда?

ТИРЦА. С улицы. Там тоже есть хорошие вещи. Самые крупные вещи там.

КУПЕР. Что ты хочешь сказать? Ты хочешь сказать, что она подобрала... Собирается занести домой? К нам домой?..

ТИРЦА. Да, а что? (Берет его за руку, пытается увести со двора.) Пойдем, ты должен вернуться в больницу.

КУПЕР. Минуточку. (Останавливается, словно пытается что-то припомнить.)

Мира видит его, оставляет кровать, подходит ближе.

(Вспомнил.) В больнице! Мне показалось... Как будто сквозь сон... Как будто кто-то сказал мне... Это может быть, что она?.. Что она...

ТИРЦА. Да, это верно, она...

КУПЕР. В самом деле?

ТИРЦА. Да. Она ждет ребенка. Пойдем.

КУПЕР (смеется радостно, насколько ему позволяют силы). Ну что? Я знал, когда вернуться! Разумеется, если она в положении, она теперь совсем другой человек. Ребенку много всего потребуется. Да, нужно готовить приданое, а не шелкать фотоаппаратом. Пускай выкидывают. Пускай весь мир выкидывает! Мы будем подбирать. Я помогу ей. Смотри! (Подбирает с земли подкову.) Старинная подкова. Настоящее железо, прекрасное. У нас уже есть одна такая. Это к счастью! К счастью!

МИРА. Это не соседское. Нет.

КУПЕР. Что это значит?

МИРА. Это все твое. Из твоего дома. Из твоей квартиры. Это я выбросила. Вытащила и выбросила. Все. И подкову тоже. Это твоя подкова. Я ее помню.

КУПЕР. Ты смеешься. Ты... Неправда! (Указывает на кровать.) Ты тащила ее домой. Я видел.

МИРА. Это мамина кровать. Я по ошибке выкинула. Пускай постоит. Пока не купим новую.

После ремонта. Я не хочу обманывать тебя. Ты ведь еще не умер, правда?

КУПЕР. Даже... Даже беременность...

МИРА. Ради этого ты явился? (Обращаясь к Тирце.) Так ты заманиваешь нас домой, да? Меня затащила его смертью, его — моей беременностью. Пойдем, я провожу тебя в больницу.

Купер отворачивается от нее и направляется к дому. Мира и Тирца идут за ним следом. Он звонит в дверной звонок.

ТИРЦА (за его спиной). Ты звонишь?

КУПЕР (не оборачиваясь). Да?

ТИРЦА. Никогда в жизни... Ни разу...

КУПЕР. Нет?

ТИРЦА. Заходи.

Купер поворачивается к ней, старается как будто обойти ее и уйти прочь.

(Задерживает его, старается завести в квартиру.) Не сюда — туда. Домой.

КУПЕР. Мой дом не здесь. Он теперь там. Его вышвырнули. Над ним надругались. Отправили в изгнание.

МИРА. Пойдем. Я провожу тебя в больницу.

КУПЕР. В больницу? (Отодвигает ее, заходит в квартиру, оглядывает пустое пространство, говорит сухо и отстраненно.) Теперь в больнице принимают и мертвых?

ТИРЦА. Ты не умер, ты только немного...

МИРА. Хватит, папа. Пойдем.

КУПЕР. Зачем? Врачи сказали: «Все. Больше ничем помочь не можем». Не так ли?

ТИРЦА. Неправда! Тот врач — высокий, он сказал... Он сказал, что они делают все...

КУПЕР. Все, что они делают, помогает, как мертвому припарка. Мне холодно.

Тирца направляется во двор, чтобы принести оттуда одеяло.

МИРА. Я вызову неотложку.

КУПЕР. В больнице особенно скверно. Не живешь, но и не умираешь. Человек должен умереть, пока он еще жив. Стать прахом на своей земле. (Смотрит в окно.) Дождь.

ТИРЦА (заходит в квартиру, старается закутать его в одеяло). Так будет лучше, ты согреешься. Присядь.

КУПЕР. На что?

ТИРЦА. Вот, пожалуйста — стул!

КУПЕР (приближается к стулу, смотрит на него, отказывается садиться). Я его не помню.

МИРА. Что это вдруг — не помнишь? Это тот самый стул. Я только вычистила и вымыла его.

Из-за этого ты его не узнаешь? А может, потому, что он стоит тут в одиночестве, пустой, ничем не заваленный? Не похоронен под грудой всякого хлама. Чтобы раздавить, разрушить, изгадить меня, чтобы я провоняла всяческой дрянью, для этого это был мой дом, не так ли? А теперь, когда можно исправить, вычистить, помочь мне — теперь это уже не мой дом? Душить меня ему было можно, а мне уже нельзя дотронуться до него? Обязательно только так? Ты мой отец, у тебя был ответ на любой мой вопрос, когда я была девочкой. Отвечай же!

КУПЕР (глядя в окно). Дождь. Все промокнет. Кресло. Я всегда сидел в нем. Столько хороших вещей. Настоящее богатство. Ни капли милосердия...

МИРА. Разумеется! К вещам — милосердие. К бездушным предметам. (Выходит во двор, принимается втаскивать обратно одну вещь за другой, в том числе и кресло.)

КУПЕР (поворачивается к Тирце). И ты... Ты позволила?

ТИРЦА. Да... Из-за ее положения. Из-за беременности. Ты ведь знаешь — у беременной женщины... Внезапные желания. Порывы. Ужасно вдруг чего-нибудь хочется. Невозможно утерпеть. Просто обязана сделать...

КУПЕР. А ты не выдумываешь? Как с моими похоронами? Наврала ей, лишь бы она приехала...

ТИРЦА. Нет. Она бы тебе сказала, если бы это была неправда. Ты ведь ее знаешь. У нее будет ребенок. Пойми: таким образом она как будто создает ему дом. Новый дом. Некоторым обязательно нужно, чтобы новый дом. Все сначала.

КУПЕР. Ребенок, а? Внук — несмотря ни на что...

МИРА (пытается усадить Купера в кресло, которое только что втащила). Вот, садись!

КУПЕР. Что это? Кресло? Опять?

МИРА. Твое привычное место.

КУПЕР. Для меня? Ты не должна. Мне уже не надо. Со мной все кончено. Главное — это ты. Ты и...

МИРА. Не выдумывай, ничего не кончено. С тобой невозможно так быстро покончить.

КУПЕР (показывает ей подкову, которую продолжает держать в руках). Взгляни!

МИРА. Зачем ты мне показываешь?

КУПЕР. У нас была лошадь. Старая. Вообще-то она была не наша, дядина. Старая, больная, израненная. Лежала в конюшне. И все мухи... Собаки норовили куснуть. Я сказал дяде и его сыновьям. Но они отмахнулись: «Ей уже немного осталось — день-другой». Им не хотелось возиться с этим делом. Леня. Тогда я решил сам. Нужно было поднять ее, заставить встать на ноги. Я был еще мальчишка, но сильный парень. Залез ей под брюхо и постепенно поднял. У нее было такое белое брюхо. Да... И я потихоньку повел ее — шаг, еще шаг, чтобы не упала. За

бараки. Там имелся такой человек, он выделывал шкуры. Он знал, что нужно сделать. Да, чтоб не мучилась. Чтобы отдохнула наконец...

МИРА. Тебе еще рано отдыхать. Я уверена, папа, что ты еще натворишь много неприятностей. (Усаживает его в кресло.) Вот так. (Придвигает к нему те вещи, которые втащила.) Вот твоя этажерка. Подставка для газет. Газеты. Я сейчас принесу остальное.

КУПЕР. Для него, а? Хоть немного. Конечно, не слишком много. Все в меру. Моя беда — что я никогда не знал меры. Мне вечно казалось мало: еще, еще! (Протягивает ей подкову.) Возьми. Мальчишки любят слушать про лошадей. Отдашь ему и расскажешь про деда, хорошо? Спрячь и отдай ему.

МИРА (не знает, как поступить, — взять или не брать). Нет, папа. Я не хочу тебе врать. Я не стану ее хранить и не отдам ему. Я — нет.

КУПЕР. Тогда зачем ты таскаешь сюда все это добро?

МИРА (продолжает придвигать к нему вещи). Я не знаю зачем. Не знаю. Не знаю. (Замолкает вдруг, как будто что-то поняв.)

КУПЕР. Не для тебя. Для твоего мальчика...

МИРА (повторяет, думая о чем-то другом). Для моего мальчика...

КУПЕР. Ты... Ты не беременна?

МИРА. Нет, я беременна. Разумеется, беременна...

КУПЕР. Если беременна, значит, будет ребенок.

МИРА (не знает, что сказать). Да, наверно... (Замолкает. Вдруг говорит радостно.) Как я раньше не догадалась? Что за дура! Какая идиотка... Зачем я все выбросила? Почему с самого начала... (Придвигает вещи вплотную к креслу Купера.)

КУПЕР. Да... Дети это любят.

МИРА (вытаскивает фотоаппарат). Не для ребенка. Я выбросила не для ребенка, папа. И обратно принесла не для ребенка. Я хочу сфотографировать тебя. Вот что я хочу. Это то, что я хотела с самого начала. Все время. Все эти годы. Сфотографировать тебя и этот дом. Тебя и все это. Вместе. (Направляет на него объектив.)

КУПЕР. Нет! Нет!

МИРА. Ради моей беременности ты согласился даже, чтобы все выбросить. А позволить мне сфотографировать себя ты не согласен? Я фотограф, а не беременная женщина. Да, что делать? Такая я. Такая и не иная. (Собирается щелкнуть аппаратом.)

КУПЕР (заслоняется от нее, машет руками, грозит ей). Нет!

МИРА. Да. Прекрасно. И это тоже. Вот так. Это именно то, что нужно. (Прицеливается, чтобы сделать снимок.)

ТИРЦА (встает между нею и Купером). Он еще жив!

МИРА. Вот именно! Именно потому, что еще жив. А что? Я должна ждать, пока он умрет?

ТИРЦА. Я тебе не позволю!

МИРА. Это мы поглядим... (Откладывает аппарат, торопливо заносит в дом еще какие-то вещи.)

Тирца успокаивает Купера, плотнее заворачивает в одеяло. На пороге появляется МАКСИМ, направляется к Мире.

(Расставляет вещи вокруг Купера, проверяет, хорош ли будет кадр. Максиму.) Уйди, не теперь!

МАКСИМ (через силу). Ты не хочешь меня, верно? Из-за этого ты не хочешь и ребенка. Он часть меня. Часть меня в тебе. Ты хочешь отсечь спрута. Меня. Это то, что тебе требуется. Ты сама сказала, верно?

МИРА. Ты мне мешаешь.

МАКСИМ. Я оставлю тебя в покое. Исчезну. Ты меня больше не увидишь. Он ничего не будет знать обо мне. Можешь родить его. Назови, как тебе нравится. Живи где хочешь. Я даже не буду знать. Просто буду пересылать тебе деньги. Сколько нужно.

МИРА. О чем ты говоришь?

МАКСИМ. Я исчезну. Я сам обрублю себя. Только пусть он... Не нужно делать аборт. Тебе не придется делать аборт. Не требуется никакая очередь!

МИРА (как будто только теперь начинает понимать, о чем он говорит. Подходит к нему вплотную, дотрагивается до его руки). Я не верю.

Максим отбрасывает от себя ее руку, отталкивает ее.

Ты... отталкиваешь меня? Ты...

МАКСИМ. Нет, у меня нет к тебе ненависти.

МИРА. Я не думала про ненависть. Но ты, кажется, на самом деле ненавидишь.

МАКСИМ. Я вчера сказал, что никогда не позволю себе ударить своего ребенка. Не хочу никому причинять зла. Вообще никому. Но чтобы и мне причиняли зло — нет, не позволю.

Хватит. Ни от кого не хочу получать оплеух.

Мира успевает сфотографировать его, пока он говорит. Он взмахивает рукой — с раздражением, даже со злобой, — словно пытается воспрепятствовать этому, почти задевает ее.

МИРА. Разумеется, то же самое.

МАКСИМ молча выходит. Мира поворачивается, чтобы сфотографировать

Купера. Тирца встает перед ней.

(Несколько раз снимает ее.) Ладно, хватит. Тебя фотографировать — не велика хитрость.

Отойди.

Купер с трудом поднимается, направляется в угол комнаты.

ТИРЦА. Куда ты?

КУПЕР. Домой. Домой!

ТИРЦА (пытается усадить его в кресло). Это не там. Это здесь. Все твои вещи здесь. Все, что ты собрал.

КУПЕР (упорно рвется в угол). Домой... Девять братьев... И сестра... Холодно и пусто...

Холодно и пусто... До чего же холодно... (Прислоняется спиной к стенке, начинает съезжать по ней на пол.)

Тирца и Мира подхватывают его, оттаскивают к креслу, усаживают, Купер роняет голову на грудь.

МИРА (поднимает ему голову). Подожди, папа, не уходи. Открой глаза, выслушай меня. Ты не можешь... Я уговорю тебя. Мы должны поговорить. Поспорить, поссориться. Выслушай меня, выслушай!

Голова Купера падает на грудь.

ТИРЦА. Все. Это конец...

Некоторое время обе молчат. Затем действие как бы распадается на два плана — для Тирцы Купер остается неподвижным, но с Мирой он продолжает общаться.

МЕРТВЫЙ КУПЕР (обращаясь только к Мире). Теперь ты можешь сфотографировать меня.

Фотографируй! Поглядим на тебя...

МИРА. Скажи еще раз...

МЕРТВЫЙ КУПЕР. Поглядим на тебя...

МИРА. Да, поглядим... Погляди, погляди!..

ТИРЦА. Что? С кем ты?..

МИРА. Что?

ТИРЦА. Ты сказала: поглядим... Погляди...

МИРА. Да?

ТИРЦА. Нужно вызвать неотложку. Отвезти его в больницу...

МИРА. Зачем?

ТИРЦА. Он... Купер...

МИРА. Подожди. Никого не зови. Дай минуту... Вздохнуть...

Картина третья

Ночь. Гостиная слабо освещена и вновь заполнена всякой рухлядью, как в начале пьесы.

МЕРТВЫЙ КУПЕР по-прежнему сидит в кресле — спиной к публике, — в лицо его бьет свет юпитера. МИРА делает снимок за снимком. На огромном экране на заднике сцены возникают изображения. ТИРЦА стоит в стороне.

МИРА (отыскивает все новые планы, присаживается на корточки, становится на колени, даже ложится на пол, потом снова встает и при этом цитирует высказывания Купера, передразнивает его манеру говорить, его смех). «Ваши границы! Ха! Едут, летят, платят чертовы деньги, но если не привезли оттуда снимков, как будто нигде не были!.. Ха! Только так они чего-то стоят»... (Прерывает этот «монолог», говорит своим обычным голосом.) Что же это? Что со мной? Сто раз одно и то же... Как будто сверлит в голове...

ТИРЦА. Может, хватит? Отдохни.

МИРА. Нет, не мешай мне. Так лучше всего. До полного изнеможения, до полной потери сил. Тогда это состоится. Я уверена. Как тогда с камнем. Тысяча кадров, и все одно и то же. И вдруг — совсем иначе. Жизнь камня. Его сущность. Что он такое на самом деле. (Смеется.) Что я такое на самом деле? Моя жизнь... Что мне делать с собой? С моей жизнью? Еще вздумала

рожать — идиотка! (Присаживается в состоянии крайней усталости, спрашивает у Мертвого Купера.) Ты позволишь?

Тирца не выдерживает, приближается к ней в надежде остановить это безумие.

В чем дело? Ты боишься, что он вдруг возьмет и ответит? Что ж — пусть восстанет, пусть ответит!

ТИРЦА. Это не... Не...

МИРА. Что — не?

ТИРЦА. Не по правде. Не на самом деле. Он не по правде говорит с тобой... То есть не сейчас...

МИРА. Нет? Как знать? (Снова принимается фотографировать и передразнивать Купера, его смех.) «Вся ваша жизнь!.. Ха! Даже дети ваши! Живут, смеются, а не стоят ни черта, если их не сфотографировали. Требуется снимок! Чтобы доказать... А так — их как бы и нет... На самом деле будто и не живут... Если не зафиксированы... Нет? Разве нет?»

ТИРЦА. Может быть, все-таки съешь чего-нибудь? Чаю выпей...

МИРА. Мама, я не одна сейчас. Это будет невежливо. Когда он станет есть и пить, я тоже буду есть и пить. Чего ты боишься?

ТИРЦА. Я?..

МИРА. А кто же? Я, что ли?

ТИРЦА. Ты не боишься?..

МИРА. Чего я должна бояться? Это он должен бояться. В Африке они верят, что фото крадет у них часть души. (Снова принимается цитировать Купера.) «Это верно — крадет. Свободу. Неповторимость. Душу. Делают из человека клише. Кусок картона. Копию. Серийное производство. Превращают в блестящую бумажку и передают из рук в руки, разглядывают — без спросу, без разрешения!» (Опять своим обычным голосом.) Первый раз в жизни я не боюсь его.

ТИРЦА. Но все-таки... В конце концов, он...

МИРА. Мне повезло. Можно сказать, выпало счастье, разве не так? Разве я могла сфотографировать его при жизни? Может, именно ради этого он и умер. Пока был жив, ни за что бы не позволил... Гордыня! И вот наконец мы делаем что-то вместе. Ты подумала об этом? Тирца не отвечает.

Да, вместе! Снимок — это как беременность. Камень должен отдаться, чтобы это состоялось. Мгновение — и происходит чудо. (Обращается к Куперу.) Да, я жду чуда. Это так прекрасно. Чем ты занимался всю жизнь, а? Чинил эту рухлядь? Надеялся, что она кому-то понадобится? Разве это не ожидание чуда? Мое ремесло пользуется большим спросом.

Тирца приближается к ней, хочет что-то сказать.

Да, мама?

ТИРЦА. Покойника нужно похоронить.

МИРА. Еще минуту. Дай мне еще минуту, хорошо? Одну минуту! (Снова голосом Купера, продолжая щелкать аппаратом.) «Разумеется, вместо того, чтобы поиграть с ребенком, ищут подходящего момента сфотографировать его. Это главное! Смысл жизни! Такая жизнь — обрывки, кадры. Ключки бумаги. Главное, чтобы блестело. Мертвая жизнь. Без вкуса, без запаха». (Сама же отвечает ему.) К твоему сведению, я всегда забираюсь в самые мерзкие норы. К твоему сведению! Чтобы учуяли вонь. Это мое призвание. Чтобы узрели всю мерзость. (Голосом Купера.) «Какая героиня! Не проще ли вместо этого просто дышать этой вонью? Для этого нам дан нос, не так ли?» (От своего лица, обращаясь к Тирце.) Феномен, а? Но не дурак, нет, это уж точно. Только не понимает, что сегодня камеры и аппараты — это сама жизнь. Это как земля, как воздух, как нос. Да, это от Бога. (Голосом Купера.) «От Бога?.. Порча и безнравственность!» (Фотографирует.) Теперь помолчи, хорошо? Ты не способен минуту помолчать? (Смотрит на снимок на экране над сценой.) Уж лучше говори... (Снова фотографирует.) Порча... Снимать снова и снова — это как покупать и выбрасывать и снова покупать... (Обращаясь к Куперу.) Твой марксизм! А то что же?.. (Тирце.) Почему ему не приходит в голову, что за этим стоит желание сохранить, увековечить, запомнить? Кто будет знать о нем, если... (Снова фотографирует.) «Для чего знать? Нужно жить и»... (Собственным голосом.) Родить, а? Обязаны. Рожать! Производить на свет себе подобных. Только это и называется настоящей жизнью.

ТИРЦА (громко и настойчиво). Покойника нужно похоронить.

МИРА. Что?

ТИРЦА (еще увереннее). Покойника нужно похоронить.

МИРА. В самом деле? Могильные черви предпочтительнее меня? В кои-то веки появилась возможность поговорить с ним. Сделать что-то вместе. Стать друзьями.

ТИРЦА. Все хорошо в свой час. Сейчас нужно похоронить. Предать земле.

МИРА. А ведь ты боишься! В самом деле боишься.

ТИРЦА. Да, боюсь. Представь себе...

МИРА. А почему, собственно, ты до сих пор молчала?

ТИРЦА. Что значит — молчала?

МИРА (продолжая фотографировать). Если ты так боишься... Почему же ты позволила мне держать его тут? Снимать? Даже соврала, когда звонили из больницы. Они там переполошились. Тоже, как видно, испугались. Принялись разыскивать его. Между прочим, который час?

ТИРЦА. Час?..

МИРА. Да, час. Который час?

ТИРЦА (пытается увильнуть от ответа). Может, все-таки поешь чего-нибудь?

МИРА. Который час? Ты что, не в состоянии ответить? У меня очередь. В десять.

ТИРЦА. Четыре...

МИРА. Четыре?

ТИРЦА. Да, ровно четыре... Сейчас уже четыре часа и одна минута.

МИРА (просматривает снимки, они один за другим вспыхивают на экране, она явно не удовлетворена). Нет... Нет. Нет! Он не дается. Прячется. Как будто согласен, полон доброжелательства, но на самом деле издевается надо мной! (В раздражении от неудачи, преодолевая дикую усталость.) Хватит «вместе»! Хватит дружбы! Никакого сотрудничества! Все ложь. Увековечить тебя. Постичь себя. Неправда. С какой стати? Все гораздо проще. Это для выставки. Для альбома. Ты слышишь? «Купер, человек двадцатого века, марксист, технический специалист, без пяти минут инженер. Ни разу в жизни не фотографировался. Посмертные снимки». Какая тема! Какая находка! Публике это понравится. Всем тем, кого ты ненавидишь. Ты прятался от них, зарывался в своем хламе, а теперь будешь висеть у них на стенах. Что ты на это скажешь, а? (Опускается на корточки.) Говори! Послушаем тебя. Покажи, на что ты способен. Мне надоели Африка и Таиланд, старые ведьмы и девочки-проститутки. Мой отец, Купер — вот новые горизонты, небывалый успех!.. У меня нет времени рожать. Я... (Ложится на пол.) Который час? Ты сказала...

ТИРЦА. Сейчас?

МИРА. Сейчас, а когда же? Я должна успеть. Очередь...

ТИРЦА. Десять минут пятого.

МИРА. Десять минут?..

ТИРЦА. Да. В точности.

МИРА (смеется, говорит тихо и устало). Когда нужно было что-нибудь спрятать от него, скрыть... «Быть пунктуальным в минутах и надувать в часах»... Так он говорил... Четыре и... У меня очередь в десять. Есть еще время. (Закрывает глаза, как будто задремывает. Вдруг приподымается в тревоге.) А впрочем... Четыре и... Он умер вечером. Уже стемнело. Как же так? (Решает ни о чем не думать, кладет голову на руки и засыпает.)

ТИРЦА (обращаясь к Куперу). Я не соврала. Сейчас действительно четыре часа. Она не спрашивала — четыре ночи или четыре дня. И какой сегодня день, она тоже не спрашивала. В любом случае это уже не важно. Очередь была в понедельник, а сегодня среда. Скоро утро. Они звонили, спрашивали про нее. И все равно уже было поздно. Они так и сказали: «Будет поздно»... Велели передать ей. Видишь, и тебя искали в больнице, и ее искали...

МИРА (сквозь сон). С кем ты разговариваешь? Тут кто-то есть?

ТИРЦА. Никого нет. Только...

МИРА. Как будто кто-то стоял тут... Только что. (Приподнимается, указывает на Купера.) Он не вставал?

ТИРЦА. Что ты!.. Нет.

Мира снова засыпает, Тирца подходит к окну, распахивает его. Вдруг пугается, захлопывает окно. Потом снова осторожно открывает его и снова захлопывает.

МИРА (во сне). Значит — прямо со стенки?

ТИРЦА. Что?.. Что ты сказала?..

МИРА (не открывая глаз). Ты мне рассказывала, что я отколупывала известку со стены и ела. Когда была маленькая...

ТИРЦА. Ну да... Отколупывала и ела... Даже облизывала стену.

МИРА. Облизывала стену?

ТИРЦА. Ну да, с закрытыми глазами. Купер сказал, что это хорошо. Что организм знает, чего ему недостает. Твой организм всегда знал, чего ему недостает.

МИРА (не открывая глаз). Ты все пытаешься убедить меня... Этот ребенок... Понимаешь, дело в том... Да... Беременность — это не только я. Это и он тоже. Его тело. Как он вдруг возненавидел меня. Чуть не ударил. (Смеется тихонько.) Может, так... В любви я не способна родить... Может, в ненависти... Дети иногда находят весьма причудливые способы пробраться на этот свет, тебе не кажется? (Замолкает.)

ТИРЦА (снова подходит к окну и открывает его. Опять захлопывает). Что делать?.. Когда закрываешь — извини меня, но такой дух... А когда открываешь — соседи могут почувствовать... Прости меня, но невозможно терпеть... Ты должен понять...

Мертвый Купер — будто в Мирином сне — встает с кресла и делает несколько шагов. Тирца не видит его. Мира поднимается с полу и, не говоря ни слова, направляет на него юпитер.

КУПЕР (пытается заслонить глаза руками). Нет! Что ты делаешь?

МИРА. Мою руки. Перед тем, как выйти из дому.

КУПЕР. Этот свет! Это невыносимо!

МИРА. Наконец-то какой-то признак жизни.

КУПЕР. Исчезни! Выключи это!

МИРА. Разумеется! В темноте ты сможешь сделать все, что угодно. Обидеть меня. Поколотить. Никто не увидит.

ТИРЦА (оборачивается, видит одну только Миру, стоящую посреди комнаты, пугается). Что?.. С кем ты говоришь?

МИРА. Уйди, мама! Прочь с дороги! (Фотографирует Купера.)

КУПЕР. Нет!

МИРА. Я сказала — я мою руки. Отмыться от этой вони. Невозможно показаться на людях.

КУПЕР. Ты фотографируешь меня!

МИРА. Это то же самое. То же самое. Так я очищаюсь от тебя. Всю жизнь очищаюсь от тебя.

КУПЕР. По какому праву? Я... Я... (Замахивается, чтобы ударить ее.)

МИРА. Именно! Вот оно! Теперь это ты. Какое лицо! Ты жив. Ты жив... Вот так... За этим я пришла сюда... Наконец-то ухватить тебя! Наконец-то...

Между тем на экране над сценой вспыхивают изображения Мертвого Купера — совершенно неподвижно и безжизненно сидящего в кресле.

КУПЕР (на сцене). Фотографировать меня, когда я... Когда я!..

МИРА. Да! Вот именно! Фотографировать тебя, когда ты... Когда ты такой, какой ты на самом деле! Говори. Продолжай!

КУПЕР. Я твой отец. Я... Ты смеешься надо мной. Ты хочешь взбесить меня. И тогда... Тогда ты сфотографируешь меня. Вместо того чтобы прислушаться к моим словам. Извиниться.

Попросить прощения. Вместо этого ты еще щелкаешь фотоаппаратом?! Ты что — Господь Бог?.. Ведь ты... Моя писушка... Малышка моя... Моя девочка... Кровиночка моя... Деточка... Ты... Ты... (Возвращается к креслу и замирает в прежней безжизненной позе.)

Мира просматривает на экране сделанные снимки. Все они абсолютно однообразны, на всех мертвое, неподвижное, лишенное всякого выражения и страшное своей неподвижностью лицо. Она как будто не верит самой себе и прокручивает их еще и еще раз.

МИРА. Где же это? Я знаю, что я сняла. Куда же они исчезли? Он стоял здесь, он замахнулся.

Пытался ударить меня. Кричал. Он был живой. Наконец-то я его поймала. Я сняла! Сняла!

(Оборачивается к Тирце.) Ты видела, правда? Ты обязана была видеть! Ты стояла здесь. Рядом со мной. Ты видела. Видела? Что? Нет?..

Тирца не отвечает.

(Поворачивается к Куперу.) Ты надеешься выйти победителем? Вот таким образом, да?

«Снимай, снимай, поглядим на тебя! Ты, со своим аппаратом — самым прекрасным, самым совершенным в мире. Со всем своим самым современным миром — снимай, фотографируй!»

Умираешь — раз! — просто умираешь, и все — тебя больше нет! Плюешь мне в лицо. Своей смертью. Невелика победа. Много ума не надо. Кичишься своей смертью... Ничего не оставляешь мне. Что можно этому противопоставить? Самый совершенный в мире фотоаппарат?! (Швыряет аппарат на пол.) Что у меня есть? Что мне осталось?..

ТИРЦА. Есть еще люди в мире... Найдется кого фотографировать. Будет еще... Еще будет... Да.

МИРА. Великолепная идея! Родить ребенка, чтобы было кого фотографировать. Хорошо, что ты мне напомнила. У меня очередь. Ничего, есть еще время. (Подходит к окошку.) Да. Уже темнеет.

ТИРЦА. Нет.

МИРА. Что значит — нет? Вечереет. Сумерки. У меня очередь.

ТИРЦА. Это рассвет.

МИРА. Я сказала — у меня очередь! Вечером. В десять часов.

ТИРЦА. А сейчас утро. Заря. Вот-вот взойдет солнце. Погляди в другое окно.

МИРА. Как?.. Как это может быть? А что же с моей очередью? Я должна успеть в больницу. В десять часов вечера. Ты сказала — четыре. Десять минут пятого.

ТИРЦА. Это правда. Четыре часа ночи. Или утра, не знаю...

МИРА (смеется). Ты хочешь сказать... Что я... Что я опоздала в больницу? Как? На сколько? На день? На неделю?

ТИРЦА. Нет, не так сильно. Только на два дня. Вообще-то полтора... Даже меньше... День с хвостиком...

МИРА. Все, хватит, достаточно! Почему ты молчала? Как вы обвели меня! Вы оба!

ТИРЦА. Что делать...

МИРА. Это твое «Что делать»? Как я не подумала?

ТИРЦА. Ты все фотографировала... У тебя не было времени подумать.

МИРА. Я всегда считала, что не могу родить, потому что должна работать, фотографировать. Теперь выясняется, что у меня нет времени даже сделать аборт, потому что я должна фотографировать. Фотографируешь тут, фотографируешь там, а между делом в тебя прокрадывается младенец, протискивается таким образом в жизнь. Зачем, куда? Подумайте, какая находка — жизнь! Может, все-таки не поздно еще?..

ТИРЦА. Нет, они сказали: «Будет опасно».

МИРА. И ты, конечно, испугалась. (Смеется, еле держится на ногах от усталости.) Ненавижу, когда меня обводят вокруг пальца. Ненавижу! Но тут меня обвели особым образом. Таким приемом, что... Да. Это даже изящно. Только Господь Бог может придумать такую хитрость. Что мне остается делать? Максим вдруг возненавидел меня, исчез. Отец... Тоже покинул поле боя. Оставил меня. Я вдруг как он — как этот зародыш в моем чреве. Какой у него может быть выбор? Что ему остается, кроме как родиться? И у меня, оказывается, нет другого выхода, как родить его. До чего же я устала. И я, и он — мы оба плывем по течению. Подхвачены одним потоком. Что-то такое древнее, вязкое, густое, со всем этим бараклом, со всей рухлядью. Со всем... Если хотите знать, младенец — это тоже что-то такое, что несется по течению. Эй! (Поднимает с пола фотоаппарат.) Разве можно бросаться такими камерами? Это же огромные деньги. Разбит, расплюснен. Сколько силы потребовалось, чтобы так расколотить. Ничего, наверно, удастся починить. Надеюсь, удастся. (Садится на стул и тут же задремывает. Говорит сквозь сон.) Максим...

ТИРЦА (обращаясь к Куперу). Извини, но просто нет другого выхода... (Распахивает окошко.) Что делать... Она уже ничего не чувствует — слишком устала, но тут невозможно дышать...

Конец